

СОЗДАТЕЛЬНИЦА

ЛАНЕТЫ

КАСАД

БЕНЕЦИЕНА

ЛИНДЕРМАЙЛА

Людмила Бешенцева Созидательница Планеты Акабар

<https://litres.ru/73880241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она родилась от земной женщины и пришельца из красного мира. Её тело не чувствует боли, разум помнит каждую секунду жизни, а в крови горит сила, способная исцелять и уничтожать. Детство — игра в «будь как все», пока не случается крушение автобуса. Один миг — и тайна раскрыта. Предательство отчима, четыре года в титановой клетке, побег сквозь извержение вулкана — так начинается путь той, кого назовут Созидательницей.

Новая внешность, новое имя, работа адвокатом в большом городе — она прячется среди людей, пока случай не сводит её с человеком, который видит её настоящую. Любовь, погони, потеря — и голос далёкого отца, зовущий домой.

Акабар — планета с тремя солнцами, где пять рас ведут тысячелетнюю войну. Здесь её ждут: древнее пророчество, коварные старейшины, обряд выбора невесты и принц с фиолетовыми глазами, который не умеет любить.

Сможет ли та, кто потеряла всё, обрести новый дом? И какой ценой?

Содержание

Глава 1: Девочка которая помнила свет	4
Глава 2: Образец 13-Б	18
Глава 3: Остров, где время застыло	30
Глава 4: Нелепый подкат	36
Глава 5: Яблочный пирог и Тишина	47
Глава 6: Тот кто пришёл из темноты	58
Глава 7: Долгая игра в прятки	71
Глава 8: Ловушка	81
Глава 9: Тот, кто ушёл в звёзды	89
Глава 10: Звёздный час одиночества	98
Глава 11: Красная земля, Алое небо	109
Глава 12: Танец пяти огней	119
Глава 13: Дворец из чёрного камня	130
Глава 14: Совет Старейшин	140
Глава 15: Голубая кровь	150
Глава 16: Тень пророчества	160
Глава 17: Кровь и пепел	170
Глава 18: Стены, которые помнят	179
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Людмила Бешенцева

Созидательница

Планеты Акабар

Глава 1: Девочка которая помнила свет

Моё первое воспоминание — не мамина грудь пахнувшая молоком, не первый шаг и не крик, с которым врываются в этот мир обычные дети. Моё первое воспоминание — свет. Он лился откуда-то сверху, жёлто-белый, густой, как растопленный мёд, и проникал сквозь мои закрытые веки, окрашивая всё в тёплый оранжевый.

Я лежала на спине, и чьи-то руки держали меня — большие, тёплые, с длинными пальцами, пахнущие хлебом и молоком. Потом руки исчезли, свет померк, и я услышала голос. Не просто слова — настоящую музыку. Женщина пела надо мной, и в её пении было что-то древнее, как само время, и что-то хрупкое, как первый лёд на луже.

«Ты моя звёздочка, — шептала она, когда я уже открыла глаза и научилась различать лица. — Ты моя маленькая инопланетянка».

Я не понимала тогда, что значит «иноплан...». Думала, так называют всех детей, которые рождаются не в срок или с родинкой на щеке. Но уже в три года я заметила: другие дети плачут, когда падают. Заливаются горькими слезами, даже если разбили коленку не сильно. А я — нет.

Я падала с качелей, с лестницы, с горки, вставала, отряхивала коленки и удивлялась, почему воспитательница в детском саду смотрит на меня с таким ужасом.

— У неё что, нервные окончания не работают? — шепталась она с нянечкой, когда я в очередной раз спокойно поднялась после падения с турника.

— Может, она просто крепкая, — отвечала та, но в голосе слышалось сомнение.

Я не была крепкой. Просто была другой. В четыре года впервые взлетела над землёй. Мы гуляли в парке в тот роковой день, стояла поздняя весна, пахло сиренью и свежей травой. Мама толкала меня на качелях, и вдруг я почувствовала, как верёвки лопнули с тихим треском, а тело стало лёгким, как воздушный шарик, который отпустили на ярмарке.

Я не упала, повисла в воздухе — секунду, может, две, — и с высоты двух метров увидела мамино лицо. Оно было белым, как мел, глаза — огромными, и в них плескался ужас.

— Мамочка, прости, — прошептала я, когда гравитация вернулась и я рухнула в песок.

Я не ушиблась. Никогда не ушибалась. Но она заплакала, прижав меня к груди так сильно, что хрустнули рёбра. Я не

понимала, почему мой дорогой сердцу человек рыдает навзрыд, ведь я цела. Поэтому просто обняла её за шею и пообещала больше не летать.

С тех пор я старалась быть как все. Не показывать, что могу часами смотреть на муравья и слышать его мысли — чёрно-белые, как старый телевизор, состоящие только из инстинктов. Не признаваться, что ночью вижу сны о других мирах — красном солнце, с тремя другими светилами и высокими людьми, чья кожа отливает закатом, когда странный и дикий мир уходит за горизонт. Не рассказывать, что иногда, когда я сержусь, в воздухе пахнет озоном, а волосы начинают светиться изнутри — слабым, золотистым свечением, которое гаснет, как только беру себя в руки.

Я играла роль обычной девочки. Рыжей, голубоглазой, со странной белой кожей, которая никогда не загорала, сколько ни сидела на солнце. В школе меня дразнили «белой вороной». Мальчишки дёргали за косы, проверяя, настоящие ли они. Девочки шушукались за спиной: «У неё глаза светятся в темноте, я сама видела».

Я не обижалась — лишь читала их мысли. Они боялись. Страх — это всегда инстинкт, боязнь перед чужим неизвестным нечто, перед тем, кого нельзя объяснить и вписать в привычную картину мира.

В пять лет пришёл первый по-настоящему тёмный сон. Мне приснился мужчина с красной кожей. Он стоял в огне, но не горел — пламя лизало его босые ступни, оббивало щико-

лотки, но не оставляло даже копоты. Его глаза были как два кусочка неба, которые упали на землю и застыли. Он смотрел на меня и улыбался, но в улыбке была такая тоска, такая глубокая, вековечная печаль, что я проснулась в слезах.

Не в тех, что от боли — в тех, что приходят, когда теряешь что-то очень важное, даже не зная что.

— Мама, — позвала я, выбегая в коридор. — Кто тот дядя с красной кожей?

Она замерла на пороге моей комнаты. В руках — кружка с ромашковым чаем, которым она поила меня когда не спалось, и пар поднимался над ней, закручиваясь спиралью. Её лицо стало серым.

— Тебе приснилось, — сказала она слишком быстро. — Пей чай и спи.

Я послушалась. Легла обратно, укуталась в одеяло, но долго смотрела в потолок, где всё ещё брезжили отблески того алого как маки в нашем садке — мира. Я знала: это был не сон. Это был отец. Тот, которого никогда не видела. Кто еще до моего рождения улетел на другую планету, потому что люди оказались слишком жестокими для его расы.

Мама рассказывала мне о нём только однажды — когда мне исполнилось шесть. Мы сидели на кухне, шёл дождь, крупный и частый, барабанил по подоконнику. Она вдруг отодвинула чашку с недопитым кофе и заговорила. Голос её был ровным, как струна, но я слышала, как внутри этой струны дрожит надрыв.

— Твой папа был хорошим, — сказала она. — Он любил нас. Но он не мог остаться. Здесь, на Земле, его бы убили. Или использовали.

— Как использовали? — не поняла я.

Она не ответила. Только погладила меня по голове — ладонью, пахнущей мятой и корицей, — и сказала тихо, почти беззвучно:

— Никогда не показывай никому, что ты умеешь. Обещай мне. Поклянись моей жизнью, так как может лишь дочь своей матери.

Я обещала. И сдержала слово до тринадцати лет. Дольше, чем могла.

В семь лет в моей жизни появился отчим. Мама привела его в дом в холодный ноябрьский вечер, когда я рисовала в своей комнате дракона с тремя головами — красного, с крыльями-парусами и огненной гривой. Я всегда рисовала красное, сама не зная почему.

— Лизи, познакомься, это Роберт, — сказала мама, и в её голосе появилось что-то новое. Надежда.

Я не слышала этого оттенка со дня своего рождения, и он резанул слух, как фальшивая нота в любимой мелодии. Я подняла глаза. Мужчина стоял в дверях, слегка ссутулившись, хотя был высок. Седая голова, твёрдая линия челюсти, подтянутая фигура — бывший военный или что-то вроде того. Пахло от него кожей и дешёвым табаком. Глаза — серые, как асфальт в лужах, и такие же мёртвые. В них не было ни

тепла, ни любопытства. Только холодная, профессиональная оценка.

— Здравствуй, Лизи, — сказал он, протягивая руку.

Ладонь сухая, жёсткая, с длинными пальцами.

— Твой отец был моим другом.

Я взяла его за руку. И в тот же миг мир вокруг стал другим — не потому, что он что-то сделал, а потому что я скользнула в его мысли, как ныряльщик в тёмную воду. Не все — он умел ставить блоки, у него была тренированная защита. Но я увидела достаточно.

«Она. Та самая. Гибрид. Дочь Ка-Тара. Цена на чёрном рынке — два миллиона. Если покажу учёным — пять. Надо подождать, пока подрастёт, и подготовить мать. Мать тоже можно использовать».

Я отдернула руку, стараясь не выдать дрожи.

— Здравствуйте, — ответила я вежливо, убрав ладонь за спину.

Мама не заметила. Ни моего побледневшего лица, ни того, как я сжала кулаки. Она смотрела на Роберта и улыбалась — той улыбкой, которой не улыбалась много лет, открытой, доверчивой, почти девичьей. Она была влюблена. Или просто отчаянно хотела быть не одна. Я не могла разбить её счастье. Она заслужила хотя бы иллюзию покоя. Я решила подождать. Может, я ошиблась. Может, его мысли — просто тени прошлого, не имеющие отношения к будущему. Может, он передумает, когда узнает меня ближе.

Я ошибалась. Ошибалась долгих шесть лет. Первые годы отчим вёл себя примерно. Он купил мне велосипед — красный, блестящий, с корзинкой для книг. Водил в парк по выходным, катал на лодке по озеру. Помогал с уроками — особенно с математикой, которую я любила за её стройность и логику.

Мама расцвела. Она перестала плакать по ночам, начала печь пироги, смеяться, звать гостей. Я почти поверила, что он изменился. Почти позволила себе надеяться. Но я продолжала читать его мысли. Это было как болезнь, как навязчивое состояние: каждый раз, когда он входил в комнату, я невольно скользила под его защиту, пробивала блоки, впитывала его планы. И с каждым годом они становились темнее, конкретнее, страшнее.

«Она ещё мала. Надо подождать. Чем старше, тем дороже. Учёные из сектора 7 сказали, что созревание дара заканчивается к пятнадцати годам. Тогда и возьмём».

«Титан не берёт её кожу. Нужен блокиратор. Уже заказали. Специальный, на основе нанотехнологий. Он подавит любые проявления силы».

«Мать не должна знать. Или должна? Если она будет мешать, её можно убрать. Несчастный случай. Все поверят — она всегда была рассеянной».

Я не спала по ночам. Слушала эти мысли, переворачиваясь с боку на бок, и в голове моей зрели другие мысли — о побеге, о защите, о том, как предупредить маму, не разрушив

её мир окончательно. Мне было девять, когда я впервые поняла, что идеальной любви не существует. Есть только люди и их чудовищные секреты. Я ждала и училась.

Каждую ночь, когда дом затихал, когда мама засыпала под звук телевизора, а отчим уходил в свой кабинет — звонить тем чудовищам, чьи разговоры мне не удавалось прослушать, — вместо этого, я тренировалась.

Выходила в сад, садилась под старой яблоней и вызывала свою силу. Не всю — только малые крохи, чтобы никто не заметил. Управляла молекулами воздуха — складывала их в тонкие, почти невидимые нити, которые могли бы резать сталь. Создавала ледяные кинжалы из водяного пара, который поднимался над травой. Лечила порезы на своей руке, оставленные случайно — старым ножом, который нашла в сарае. Я становилась сильнее. Но я была ребёнком, и очень боялась.

В десять лет случилось то, что я не могла объяснить. Ведь первые услышала голос отца. Это случилось во сне — или не во сне. Я лежала в кровати, и вдруг воздух наполнился золотым свечением. Оно текло из углов, из щелей между половицами, из розетки, которая давно не работала. Свет сгустился в фигуру — высокую, краснокожую, с глазами цвета утреннего неба.

— Дочь моя, — сказал он.

Голос был низким, вибрирующим, как далёкий гром за горизонтом.

— Я далеко. Я не могу прилететь за тобой. Но всегда слышу тебя. Твоя сила растёт. Когда она станет полной — я приду.

Я села на кровати, сердце колотилось где-то в горле.

— Папа? — прошептала я. — Ты настоящий?

Он улыбнулся. В его улыбке не было той тоски, что в детских снах — только тёплая, грустная нежность.

— Такой же настоящий, как ты. Помни: ты не одна. Твоя мать дала тебе сердце. Я дал тебе душу. Другую. Которая принадлежит не только этому миру. Он начал таять, растворяться в воздухе.

— Подожди! — крикнула я. — Когда ты вернёшься?

— Скоро, — прошептело в ответ. — Скоро.

На стене напротив, там, где ничего не было, загорелся едва заметный красный символ — круг, разделённый на три части, похожий на солнце с тремя лучами. Через минуту он погас, оставив только слабое свечение на обоях, которое исчезло к утру.

Я не рассказала маме. Она бы испугалась или подумала, что я схожу с ума. А отчиму тем более нельзя было знать, что могу связываться с другими мирами.

В двенадцать лет я могла ходить по воде, как по асфальту. Могла дышать под водой, не всплывая часами, и чувствовать себя как дома — вода обволакивала, успокаивала, становилась продолжением моего тела. Я могла читать мысли в радиусе километра — слышать, о чём говорят соседи, о

чём шепчутся в больнице через дорогу, что замышляют продавцы в магазине. Я могла внушать людям простые желания — «отойди», «забуди», «иди спать». Я не пользовалась этим, кроме как ради самообороны.

Мама просила не показывать. Я не показывала. Но отчим знал. У него были свои способы слежки — камеры, скрытые в люстрах, жучки под подоконниками, информаторы среди местных алкашей, которым он платил бутылкой. Я чувствовала их — маленькие холодные точки в энергетическом поле дома, но не могла уничтожить, не выдав себя. Если блокираторы начнут ломаться, он заподозрит.

Мы играли в молчаливую войну — он и я. Он ждал подходящего момента, когда я стану достаточно ценной, чтобы сдать. Я ждала, что он передумает, или умрёт, или уедет навсегда. Он не передумал, а я не успела.

Крушение школьного автобуса случилось в пятницу, тринадцатого декабря. Зимняя поездка в краеведческий музей, сорок детей, две учительницы, старый жёлтый автобус с облупившейся краской. Я сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. В наушниках играла музыка — группа, названия которой я не запомнила, но мелодия была грустной, лунной, с долгими скрипичными партиями.

За стеклом летел снег. Я смотрела на него и видела не белую крупу, а миллионы кристаллов, каждый уникальный, каждый падает по своей траектории, каждый может изменить мир, упав не туда.

Я часто так делала — уходила в себя, в микроскопический мир, где не было ни школы, ни отчима, ни страха. Где было только я и законы вселенной. Хруст. Визг шин. Крик. Я вынырнула из транса за секунду до удара. Автобус занесло на льду — шина лопнула, руль вырвало из рук водителя. Машина накренилась, стекла полопались, как яичная скорлупа, брызнув осколками в разные стороны. Дети закричали. Учительница заорала испуганно:

«Держитесь! Голову пригните!».

Я не держалась. Меня выбросило через заднее окно — я помню, как стекло разлетелось фейерверком, как снег ударил в лицо, как я пролетела несколько метров и приземлилась в сугроб. Мягко, как на перину. Я вскочила сразу не раздумывая. На мне не было ни царапины.

Автобус лежал на боку, дымился, изнутри доносились крики, стоны, молитвы. Я вбежала внутрь — через дверь салона, которую кто-то выбил ногой. Внутри было месиво: сиденья порваны, портфели разбросаны, кровь повсюду. Учительница математики Анна Петровна держала за шею Пашку Сидорова — у того из плеча торчал кусок стекла, размером с ладонь. Кровь хлестала, как из крана.

— Не двигайся! — крикнула я. — Отойдите!

Я положила руки на грудь Пашке. Закрыла глаза и увидела. Видение было ярче, чем когда-либо. Каждая вена, каждая артерия, каждый капилляр — всё это сияло передо мной, как карта звёздного неба. Разорванные сосуды, легочная ар-

терия, которая истекает, осколок, который пережал нерв и застрял в мышце. Я потянулась внутрь — не руками, а той силой, что текла в моей крови, силой созидания, унаследованной от отца. Клетки поползли, как живые, соединяя разрывы. Кровь остановилась, осколок стекла вытолкнуло наружу — он упал на пол с тихим звоном.

Пашка вздохнул — глубоко, почти судорожно, — и открыл глаза.

— Живой, — сказала я.

Потом был водитель — его селезёнка лопнула, и он терял сознание. Потом Ленка из параллельного класса — сильный удар головой, сотрясение и внутреннее кровотечение. Потом ещё трое — переломы, порезы, ушибы внутренних органов. Я исцелила всех, до кого могла дотянуться, за десять минут. Десять минут, которые изменили всё.

Когда приехала скорая, я стояла в стороне, в чужой крови, вся в снегу, без шапки, с растрёпанными рыжими волосами. Меня трясло — не от холода, от нервов. Я не знала, что делать с руками. Просто стояла и смотрела, как раненых грузят в машины. Кто-то из журналистов успел снять меня на телефон. Моё лицо — белая кожа, глаза цвета льда, рыжая грива — облетело все новости.

«Девочка, которая выжила после крушения автобуса без единой царапины и спасала раненых», — гласила подпись.

Она не врала. Но и не говорила всей правды. Я вернулась домой поздно. Мама встретила меня в коридоре. Её лицо бы-

ло мокрым от слёз, в руках она сжимала крестик, которого раньше никогда не носила.

— Лизи, — прошептала она. — Они придут. Я чувствую.

— Кто?

— Те, кто охотится за твоим отцом. И за тобой. Роберт — она запнулась, проглотила имя. — Он уже звонил кому-то. Я слышала.

Я обняла её крепко. Мама была тёплой, пахла яблоками и совсем неуловимо страхом.

— Я не дам им забрать меня, — сказала я. — Не волнуйся. Это былл ложь... Самая первая сказанная матери в лицо, без тени сомнения.

Через семь дней отчим постучал в мою дверь в два часа ночи.

— Лизи, одевайся, — сказал он, и голос его был спокоен, как у врача, сообщающего диагноз. — Надо уехать. Ты в опасности.

Я посмотрела в его серые глаза и прочитала всё. План. Машины за углом. Люди в форме без опознавательных знаков. Деньги, которые ему переведут за «Образец 13-Б». И холодное, деловое удовлетворение — наконец-то, после стольких лет ожидания.

— Ты врёшь сейчас, — сказала я.

Он не смутился. Взял меня за руку — холодными, цепкими пальцами — и повёл к выходу. Я могла сопротивляться. Могла ударить током, усыпить, сжечь дотла. Но тогда мама

может погибнуть. Ведь лучше заложника не найти в этой ситуации. Они заберут и её. Я читала в его мыслях:

«Свидетельница не нужна. Если будет мешать — уберём».

Я пошла. Молча. В машине меня уже ждали двое в чёрных куртках. Они заковали мои запястья в браслет — широкий, металлический, с холодным синим свечением. Блокиратор. Он сжал мою силу, как удавка, и внутри всё погасло.

— Не бойся, — сказал отчим на прощание, стоя у открытой двери микроавтобуса. — Это для твоей же безопасности.

Я не ответила. Но запомнила его лицо — спокойное, почти скучающее, с лёгкой улыбкой в уголках губ, — чтобы когда-нибудь не забыть, кто предал меня первым. Дверь захлопнулась. Мотор заурчал. Сзади, на крыльце дома, стояла мама дрожа от страха, а возможно ледяного северного ветра. Босиком, в ночной рубашке, с растрёпанными волосами. Она не кричала. Она знала — если закричит, её убьют. Она смотрела мне вслед и плакала. Я смотрела на неё, пока машина не свернула за угол и не скрылась в ночи. Я не видела её после целых два года.

Глава 2: Образец 13-Б

Лаборатория находилась под вулканом. Я узнала об этом не сразу — сначала была бесконечная дорога на зашторенном микроавтобусе, где я сидела с браслетом на запястье и чувствовала, как сила уходит из тела, подобно воде что вытекает из пробитого кувшина. Потом — подземный лифт, пахнущий озоном и плесенью, с ржавыми стенами, на которых я успела разглядеть царапины — кто-то до меня пытался вырваться. Потом — белые коридоры, такие длинные, что я перестала считать шаги где-то на тысяче.

Меня вели под руки двое мужчин в форме без опознавательных знаков. Они не смотрели на меня. Я была для них не человеком, не девочкой — посылкой, которую нужно доставить адресату в целости. Блокиратор давил на запястье, и внутри, там, где раньше пульсировала сила, была теперь только пустота. Страшная, звенящая пустота.

— Образец 13-Б доставлен, — сказал один из конвоиров в рацию.

Образец. Не девочка. Не человек. Не чья-то дочь. Образец. Как сыворотка крови. Как пробирка с вирусом. Как подопытная мышь, которую купили чтобы убить ради науки. .

Комната, куда меня привели, была белой. Белые стены, белый потолок, белый пол. Посередине — кушетка, обитая дерматином, с кожаными ремнями на руках и ногах. Такие

ремни я видела в фильмах ужасов, которые мама запрещала мне смотреть. Теперь они были реальны, и они были для меня.

— Раздевайся, — сказала женщина в медицинском халате. Её лицо было гладким, как у куклы, с пустыми голубыми глазами и белыми, почти прозрачными ресницами. Она не была жестокой. Она просто делала свою работу.

Я разделась. Мне было тринадцать, и стыд уже не имел значения. Стыд — это роскошь для тех, кого могут унижить. Меня уже нельзя было унижить — я была вещью. Вещи не стыдятся своей наготы.

Меня пристегнули к кушетке. Кожаные ремни пахли чем-то химическим, резким. Женщина взяла шприц — игла блеснула под лампой дневного света — и попыталась взять кровь из вены. Игла согнулась. Она попробовала снова — та же история. Моя кожа не поддавалась обычным инструментам.

— Принесите лазерный скальпель, — сказала она без эмоций.

Скальпель был тонким, с синеватым свечением. Он разрезал кожу на моём предплечье — я почувствовала лёгкое тепло, но не боль. Кровь потекла в пробирку — тёмная, густая, с золотистыми искрами, которые странно мерцали под светом.

— Необычно, — прокомментировала женщина, разглядывая пробирку. — Гемоглобин с металлическими включе-

ниями. Никогда такого не видела.

«Интересно», — подумала я. — «Теперь они будут знать, что я не просто гибрид. Я — что-то новое. Что-то, что можно изучать годами».

Я не ошиблась.

Первые дни были «ознакомительными». Меня возили по разным кабинетам, сканировали, просвечивали, изучали под микроскопами. Я узнала, что мои кости в три раза плотнее человеческих, что нервные окончания работают иначе — сигналы идут, но мозг их блокирует, превращая боль в нейтральную информацию. Мои глаза видели в инфракрасном и ультрафиолетовом спектрах. Мои лёгкие могли усваивать кислород из воды. Мой мозг работал на сто процентов — все отделы, включая те, что у людей обычно спят.

— Это невероятно, — сказал главный учёный, мужчина с бородкой, на бэйдже которого я прочитала странное имя «Мефистофель». Он носил чёрную водолазку и пахло от него табачным дымом и дешёвым одеколоном.

— Гибрид человека и представителя расы Ка-Тар. Такое случается раз в миллион лет и впервые в моей практике...

— И что вы хотите от меня? — спросила я.

Он улыбнулся. В его улыбке было что-то хищное.

— Пока — ничего. Ты будешь жить здесь, есть, спать, сотрудничать. А мы будем изучать тебя. Ты — ключ к бессмертию человечества, моя девочка. Ты — будущее для земной расы.

Я не поверила ни одному слову. Ни один человек не ищет бессмертия ради блага других. Они ищут его ради власти. Я знала это, потому что читала мысли Мефистофеля — он не умел ставить блоки, как отчим. В его голове были только цифры: гранты, публикации, Нобелевская премия, вечная слава.

Моё тело было его трамплином.

Через неделю «ознакомительный» режим закончился. Начались эксперименты.

— Сегодня проверим реакцию на высокие температуры, — объявил Мефистофель, войдя в мою камеру с помощницей.

Она держала горелку — сине-белое пламя, такое горячее, что воздух вокруг дрожал.

— Положи руку, — сказал он.

Я протянула правую руку, ладонью вверх. Пламя ударило в кожу. Я смотрела, как она обугливается — чернеет, трескается, пахнет палёным, — но не чувствовала ничего. Даже тепла. Через две минуты Мефистофель выключил горелку. Моя ладонь была чёрной, как уголь. А потом, прямо на глазах, чёрное начало осыпаться, и под ним показалась новая кожа — розовая, нежная, целая.

— Регенерация, — прошептала помощница. — Полная. За несколько секунд.

Мефистофель потирал руки.

— Продолжим.

Они пробовали кислоты — серную, азотную, плавиковую. Моя кожа пузырилась, но не разрушалась. Пробовали электричество — я светилась изнутри, как лампочка, но не чувствовала удара. Пробовали вакуум — я задыхалась, но не умирала, лёгкие перестраивались на анаэробное дыхание. Каждый эксперимент записывался на камеру, каждый результат заносился в толстую папку с моим номером.

Но самым страшным были не физические опыты. Самым страшным была камера.

Они называли это «сенсорной депривацией». Маленькая комната — два на два метра, без окон, без звуков, без света. Меня запирали там на сутки, на двое, на трое. Блокиратор по-прежнему сжимал запястье, не давая использовать даже искру силы. Я сидела в полной тишине, и единственным, что я слышала, был стук собственного сердца.

«Бум-бум. Бум-бум».

Я считала удары. Миллион, два миллиона, десять. Я запоминала число, чтобы не сойти с ума. Я придумывала истории — о звёздах, о красной планете, об отце, который вернётся и спасёт меня. Я рисовала в воображении картины — сады с огненными цветами, людей с кожей цвета заката, океаны, в которых вода была оранжевой, как апельсиновый сок.

— Ты странная, — сказала мне однажды медсестра, когда меня вывели после тридцати шести часов темноты.

— Другие кричат. Оuryзцы молят о пощаде. Ты просто сидишь и смотришь в одну точку. Ты вообще живая?

Я посмотрела на неё. Она была молодой, с веснушками на носу и рыжими волосами — почти такими же, как мои, только не такими яркими.

— Живая, — ответила я. — Просто я знаю, что когда-нибудь это кончится.

Она не поверила. Но я сказала правду.

Шли месяцы. Я перестала считать дни — начала считать недели, потом кварталы. За окнами моей камеры (у меня появилась камера с маленьким зарешечённым окошком) сменялись времена года. Я видела, как тает снег, как распускаются листья, как они желтеют и падают. Понимала время по этим маленьким знакам, которые доносились с поверхности.

Первый год закончился, когда я впервые увидела небо.

Меня вывели на прогулку — так они называли час пребывания в бетонном дворике под открытым небом. Надо мной было настоящее небо — голубое, с облаками, с солнцем. Я смотрела на него и плакала. Впервые за долгое время. Не от боли — от тоски по дому, по маме, по жизни, которую у меня отняли.

— Не реви, — сказал охранник, пожилой мужчина с седыми висками. — Сама виновата. Родиться надо было человеком, а не выродком.

Я не ответила. Он не заслуживал моих слов.

В камере я лежала на кровати и смотрела в потолок. Блокатор не снимали никогда, даже во сне. Моя сила была заперта, как зверь в клетке, и она словно будучи живой, зли-

лась. Я чувствовала её — глубоко внутри, под рёбрами, там, где у людей болит сердце от любви. Она пульсировала, бурлила, ждала, а главное жаждала свободы.

«Скоро», — шептала я ей. — «Скоро мы вырвемся».

Второй год принёс новые испытания.

Они поняли, что физические травмы не причиняют мне боли. Тогда они взялись за другое — за мою душу.

— Сегодня проверим психологическую устойчивость, — сказал Мефистофель, входя в камеру с планшетом в руках. — Будем задавать вопросы. Постарайся отвечать честно. Оборудование зафиксирует любую ложь.

— Какие вопросы? — спросила я.

— О твоей матери.

Сердце ёкнуло. Но я сдержала лицо.

Он начал с простого: имя, возраст, профессия. Я отвечала. Потом вопросы стали личными: как она познакомилась с твоим отцом? Что она чувствовала, когда он улетел? Плакала ли по ночам?

— Не знаю, я тогда не родилась еще, плакала, — сказала я. — Иногда. Но она сильна духом.

— А ты? Ты сильная? Как считаешь?

— Я выживу, в этом уверена на сто процентов! — ответила я.

Он улыбнулся своей хищной улыбкой.

— Пустые мечты.

Вопросы стали сложнее: как ты к ней относишься? Лю-

бишь ли ты её? Что бы ты сделала, если бы её жизнь зависела от твоего сотрудничества?

Я молчала. Тогда он показал мне видео.

Мама сидела на кухне, пила чай, смотрела в окно. Под глазами у неё были тени, волосы спутаны. Она выглядела старше на десять лет.

— Она ждёт тебя, — сказал Мефистофель. — Не спит ночами. Ходит к твоей пустой комнате и сидит там часами. Она думает, что ты в бегах. Что ты жива. Хочешь, мы скажем ей, что ты мертва?

— Нет, — вырвалось у меня.

— Тогда сотрудничай. Расскажи, что ты знаешь о расе Катар. Об их технологиях. О том, как они путешествуют между мирами.

Я рассказала то, что придумала сама в той темной камере. Ведь по сути — не знала ничего, как и они. Но он был доволен.

Психологическое давление продолжалось месяцами. Они показывали мне снимки мамы — счастливой на свадьбе с отчимом, грустной в день моего «исчезновения», уставшей на работе. Они подсовывали письма, которых она не писала — с мольбами вернуться, просьбами не сдаваться. Я знала, что это подделка. Но сердце ныло. Оно всегда сжималось и болело, даже если тело не чувствовало ударов.

В одну из ночей мне приснился отец снова.

Он стоял в красном сиянии, и его глаза были печальными.

— Дочь моя, — сказал он. — Ты страдаешь. Я знаю. Но твоя сила растёт, даже сквозь блокиратор. Она копится, как вода за плотиной. Когда плотина рухнет, всё изменится.

— Когда это случится, пап? — спросила я. — Я не выдержу больше.

— Выдержишь, — он протянул руку, и я почувствовала тепло — на больничной робе, на лице, на ладони, — хотя он не касался меня. — Ты — моя дочь. Ты из крови и пламени. Ты не сломаешься.

— А ты? Ты придёшь?

Он помолчал.

— Я не могу. Корабль готов, но ваше правительство сбивает любой корабль Ка-Тара, приближающийся к Земле. Я проработаю защиту. Но когда ты наберёшься сил сама и позовешь — я найду тебя. Где бы ты ни была.

— Как я выберусь? У меня нет сил.

— Они вернутся, — сказал он. — Верь в себя.

Он исчез. Я проснулась с мокрым от слёз лицом. Блокиратор всё ещё давил на запястье. Но глубоко внутри, там, где жила сила, я почувствовала слабый ток — как будто что-то шевельнулось.

Я продержалась ещё два года.

На третьем году я перестала есть. Не от отчаяния — от расчёта. Если я ослабею, они будут больше времени держать меня в камере, будут меньше экспериментировать. Блокиратор — не единственный способ подавить силу. Голод тоже

работает.

— Ты худеешь, — заметил Мефистофель, когда я в очередной раз отказалась от завтрака. — Это не в наших интересах.

— Ваши интересы меня не волнуют, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Забавная. Знаешь, что мы сделаем, если ты умрёшь? Вскроем тебя. Изучим каждый орган, каждый нерв, каждый кусочек твоего странного тела. Твоя смерть будет полезнее твоей жизни.

Я сжала зубы и начала есть через рвотный рефлекс. Не потому, что испугалась — потому что не хотела отдавать им даже своё мёртвое тело.

Четвёртый год. Мне было семнадцать. Блокиратор давил, но внутри, под рёбрами, сила клокотала, как магма в жерле вулкана. Я научилась понемногу просачиваться сквозь блок — настолько, чтобы читать мысли охранников, чтобы чувствовать энергию вокруг, чтобы мечтать о побеге.

И однажды вулкан проснулся.

Я почувствовала это раньше приборов. Земля под ногами дрогнула, загудела, как огромный зверь перед прыжком. Запах серы просочился сквозь вентиляцию. В мыслях учёных появилась паника.

— Извержение! — закричал кто-то в коридоре. — Эвакуация!

Меня поволокли — двое солдат, один бросал взгляды на

мои наручники, другой лихорадочно крестился. Блокиратор всё ещё давил на запястье. Но я чувствовала, как он слабеет — нанотехнологии не были рассчитаны на сейсмическую активность. Внутри что-то щёлкало, переключалось, ломалось.

Мы выбежали в гараж. Титановый фургон — без окон, без надежды. Меня засунули внутрь, захлопнули дверь. Я слышала, как заводится мотор, как земля дрожит всё сильнее, как камни падают на крышу.

— Сейчас или никогда, — прошептала я.

Я закрыла глаза и позвала силу — не ту, что блокировали, а ту, что жила глубже, в костях, в крови, в тех клетках, которые унаследовала от отца. Я позвала её не голосом — душой.

Блокиратор взорвался. Осколки впились в кожу, но через секунду выпали — раны затянулись мгновенно. Сила вернулась — не постепенно, а мощным потоком, как будто кто-то открыл шлюзы. Я чувствовала каждую молекулу фургона, каждый винтик в моторе, каждую каплю пота на лбу водителя.

Я растопила стены. Титан плавился, как воск, под моим взглядом. Я шагнула наружу — в огонь, в дым, в ад.

Вулкан извергался. Лава текла по склону, уничтожая леса, лабораторию, всё, что было моей тюрьмой четыре года. Я шла босиком по раскалённым камням и не чувствовала жара. Пламя расступалось передо мной, как Красное море перед Моисеем.

Сзади кричали.

— Стой! Стрелять буду!

Я не обернулась. Пули отскакивали от невидимого щита, падая на землю сплюснутыми комочками металла.

Я бежала к океану. Там, за огненной стеной, была вода — холодная, солёная, живая. Я вбежала в волны и поплыла, не зная куда, пока лаборатория не скрылась за горизонтом.

На берегу маленького необитаемого острова я рухнула на песок и впервые за четыре года заплакала. Не от боли. От облегчения.

Я была наконец-то свободна.

Глава 3: Остров, где время застыло

Остров был маленьким. На картах такого не было — ни на бумажных, ни в спутниковых снимках, которые я научилась взламывать на четвёртом году заточения в моменты ослабления блокатора. Просто кусочек суши посреди Тихого океана — полоска белого песка, кокосовые пальмы, лагуна с бирюзовой водой и риф, за которым начиналась бездна.

Я доплыла до него через три часа после побега. Вода была холодной, но я не чувствовала температуры от стресса. Волны били в лицо, но я не захлёбывалась — лёгкие работали как жабры, вытягивая кислород прямо из соли и планктона. Акулы кружили рядом, но я читала их мысли — простые, как удар молнии: «голод», «опасность», «плыть прочь». Они не трогали меня. Они чувствовали, что я не их добыча.

Я вышла на берег на закате. Солнце садилось в океан — огромное, красное, как кожан перелётной птицы. Я стояла по колена в прибое, вся мокрая, в рваной робе, с волосами, отросшими до лопаток, и смотрела на огненный шар, который медленно умирал за горизонтом. На душе было пусто. Не больно, не страшно — просто пусто. Как в камере сенсорной депривации, только без стен.

Я упала на песок без сил. Песок был тёплым, мелким, он забивался под ногти, просачивался в волосы, в складки одежды. Я лежала на спине и смотрела на небо. Оно было

фиолетовым на горизонте, синим в зените, и в нём уже загорались первые звёзды. Земные звёзды. Чужие. Родные.

Я не знала, к какому миру принадлежу больше, но точно знала именно сейчас отдаю себя добровольно — к этому, песчаному, солёному, пахнущему водорослями и свободой.

«Ты выжила», — сказала я себе.

«Ты сбежала. Ты здесь под восходящей луной. Теперь надо жить дальше».

Но как живут дальше, когда тебя учили только выживать?

Первую неделю я просто существовала. Спала на пляже — под пальмой, на куче сухих листьев, которые собрала в охапку. Ела кокосы — разбивала их камнем и пила молоко, грызла мякоть сладкую, с горчинкой. Пила дождевую воду — подставляла ладони под струи, когда шёл ливень, и лизала её, как котёнок. Благо совсем не чувствовала голода — клетки питались энергией солнца, воздуха, океана. Но мне хотелось жевать, глотать, чувствовать вкус. Это напоминало, что я ещё человек. Хотя бы наполовину.

На восьмой день я почувствовала силу. Не ту, которую отнимал блокатор — ту, что спала всё время заточения и копилась, как вода за плотиной, а теперь рвалась наружу. Я лежала на песке, закрыв глаза, и вдруг поняла, что слышу не только волны и ветер — слышу песок. Каждую песчинку. Её вес, её форму, её историю. Этот песок был когда-то скалой, потом осколком, потом пылью, которую носили волны тысячелетиями. Я чувствовала время в каждой крупине.

Я села. Протянула руку к океану и вода дрогнула — не от ветра, от меня. Я подняла ладонь, и волна поднялась следом — огромная, прозрачная, в которой плясали солнечные зайчики. Повела рукой влево — волна пошла влево, огибая остров. Я опустила руку — волна легла, как послушная собака. Счастливый смех сорвался с моих губ. Впервые за четыре года. Звонкий, радостный, почти истеричный.

— Я могу всё, — сказала я пустому пляжу. — Они не сломали меня.

Но это было не совсем так. Они сломали кое-что. Мою веру в людей.

Вторая неделя принесла новые открытия. Я исследовала остров — маленький, в пару километров в поперечнике, с густым кустарником в центре и лагуной, где водились рыбы с золотистой чешуёй. Построила шалаш из пальмовых ветвей — непрочный, но свой. Научилась добывать огонь силой мысли — достаточно было представить искру, и она вспыхивала на кончиках пальцев, пахнувшая озоном. Купалась в лагуне каждый день и смотрела на своё тело. Оно не изменилось. Всё та же бледная кожа, рыжие волосы, голубые глаза. Но внутри что-то переменялось. Я больше не чувствовала себя ребёнком. Четыре года в лаборатории убили во мне детство. Теперь осталась только взрослая — уставшая, подозрительная особа, готовая в любую секунду к бою.

На пятнадцатый день я впервые задумалась о маме. Сидела на берегу, смотрела на закат и вдруг вспомнила её лицо —

не то, каким видела в лабораторных видео, а то, из детства. Она печёт пирог, улыбается, напевает. На ней синий халат, в котором она ходила по утрам. Волосы растрёпаны, щека в муке. Она поворачивается ко мне и говорит:

«Лизи, принеси яблоки из погреба».

Я не пошевелилась. Лишь сидела и смотрела на океан, по которому бежали золотые дорожки от заходящего солнца. Слезы текли по щекам — тихо, беззвучно. Я не утирала их.

— Мама, — прошептала я. — Я вернусь. Когда стану сильной. Когда никому не будет под силу меня поймать.

Я не знала, что она уже не ждёт. Или ждёт, но по-другому. С отчаянием. С безнадёжностью. Я не знала, что отчим сказал ей, что я мертва. Что она ходила на кладбище и ставила свечку на пустую могилу. Я не знала ничего. Я была одна на острове, и это одиночество было моим лекарством.

Месяц спустя я начала строить планы. Не побега — возвращения. В большой мир, где люди боялись того, чего не понимали, и уничтожали то, чего боялись.

Я должна была вернуться. Но не как Элизабет, дочь инопланетянина со странными способностями, а как другая. Сев на песок, закрыла глаза и начала менять себя. Это было похоже на лепку из глины — только глиной была моя плоть. Я взяла цвет волос: тёмно-русый, короткий, неприметный. Забрала у них рыжину, спрятала глубоко в корни. Глаза: карие, почти чёрные. Светло-голубая ледяность ушла внутрь, в радужку, где её никто не увидит. Лицо: чуть шире скулы,

чуть другая форма губ. Я смотрела в отражение океана и не узнавала себя. Никто не узнает.

— Теперь ты Лила, — сказала я своему новому отражению. — Лила. Без темного прошлого. Без страха за собственную жизнь.

Остаток месяца я тренировалась. Училась контролировать каждую клетку, каждую молекулу, каждую мысль. Я могла стать невидимой — просто преломить свет вокруг тела. Могла летать — невысоко, метрах в десяти, но достаточно, чтобы чувствовать ветер в волосах. Могла читать мысли на расстоянии мили и внушать любые желания — от «отойди» до «забуди, что видел». Я стала сильнее, чем когда-либо. Сильнее, чем в лаборатории. Сильнее, чем в детстве.

Я стала опасной. Но внутри всё ещё жила девочка, которая хотела домой.

На пятьдесят первый день я решила, что пора. Оделась в остатки робы — рваные, выцветшие, но чистые. Подошла к воде, встала на поверхность — ноги не промокли и пошла по сверкающей глади волн. Пешком по океану, на запад, туда, где по моим расчётам был материк. Волны расступались передо мной, как занавес. Рыбы шарахались в стороны. Чайки кружили над головой, не решаясь сесть. Я шла трое суток — без сна, без отдыха, без еды. Сила питала меня, как солнце питает растения.

К концу третьего дня я увидела берег.
Австралия. Мельбурн. Новый мир.

Я вошла в город на рассвете. Улицы были пустыми, туман стлался по асфальту, фонари горели жёлтым. Шла босиком, в рваной одежде, с растрёпанными волосами, и никто не смотрел в мою сторону. Для них я была бездомной, сумасшедшей, ещё одной тенью большого города.

Я нашла ночлежку — старый дом с вывеской «Приют святой Анны». Там меня накормили супом, дали чистую одежду и койку в общей комнате. Я лежала на тонком матрасе, слушала храп соседок и думала о том, как начну новую жизнь и никому не расскажу правду. Буду тихой, незаметной, идеальной. Найду работу, сниму квартиру, заведу друзей — только не настоящих. Настоящие опасны. Настоящие могут предать, как отчим.

Я не знала тогда, что самое страшное впереди. Что любовь, которую я так боялась принять, сломает меня однажды, порвет на куски разметав ошметки галактике. В ту ночь, в ночлежке, пахнувшей потом и капустным супом, Лиля, новая я, просто спала. Без кошмаров. Без криков. Впервые за четыре года — спокойно. Потому что была свободна и пока этого было достаточно.

Глава 4: Нелепый подкат

Бриллиант назывался «Слеза Синда». Он лежал под бронированным стеклом в центре выставочного зала — голубой, холодный, красивый, как кусок замёрзшего неба. Десятки людей в дорогих костюмах кружили вокруг него с бокалами шампанского, делали вид, что разбираются в огранке, и поглядывали на часы — когда уже можно будет уехать.

Я стояла у колонны, прижимая к груди планшет, и считала минуты до конца смены. Начальник отправил меня вместо себя: «Лила, ты самая ответственная. Посмотришь за порядком, а я на рыбалку». Я не возражала. Лишняя подработка не помешает, а в толпе легче затеряться.

Линзы жгли глаза — я купила новую пару, подешевле, и теперь они натирали веки. Парик чесал затылок, в зале было душно, пахло духами и дорогой кожей. Я мечтала о том моменте, когда сниму всё это, останусь в своей пустой квартире и выключу свет.

— Вы слишком грустны для такого праздника, — сказал голос рядом.

Я повернула голову. Рядом стоял мужчина — невысокий, коренастый, в форме охраны, которая сидела на нём мешком, как будто он взял её у кого-то другого. Короткие каштановые волосы торчали в разные стороны, зелёные глаза смотрели на меня с неловкой, почти смущённой настойчивостью.

— Это не ваше дело, — ответила я.

Холодно, как учили в роликах о романтике.

— Знаю, — он не обиделся.

— Просто вы стоите тут уже час, ни с кем не говорите, ни на кого не смотрите. Только на бриллиа, а он того не стоит.

— Он понизил голос до шёпота:

— Он искусственный, между нами. Синтетика, выращенная в лаборатории. Настоящий хранится в сейфе.

Я невольно усмехнулась.

— И вы мне это говорите? Я — представитель фирмы-организатора. Могу доложить начальству.

— Не доложите, — он улыбнулся — криво, мальчишески.

— Вы слишком честная, чтобы быть стукачкой.

— С чего вы взяли?

— По глазам, — он сказал это просто, без флирта. Просто факт.

Я посмотрела на него внимательнее. В его мыслях не было подвоха — только лёгкое волнение, любопытство и одиночество. Такое же, как у меня.

— Меня зовут Гари, — он протянул руку.

Ладонь была шершавой, с мозолями — не охранника, скорее солдата.

— Я здесь работаю. Охраняю драгоценности, которые не охраняют.

— Лила, — ответила я, пожимая его руку.

— Я секретарь. Охраняю документы, которые никто не

читает.

— Идеальная пара, — он засмеялся.

— Не подскажите, Лиля, где здесь туалет? А то я уже третий час хожу кругами, стесняюсь спросить у гостей.

Я показала рукой. Он поблагодарил и отошёл. Через минуту вернулся, встал рядом и продолжил, как ни в чём не бывало:

— А вы не хотите выпить кофе? Здесь рядом есть отличная кофейня. Кофе у них так себе, но пончики — божественные.

— Я на работе, — ответила я.

— Я тоже, — он показал на бейдж.

— Но начальник ушёл курить полчаса назад и не вернулся. Думаю, он не заметит.

— Вы всегда такой навязчивый?

— Только когда вижу красивых грустных девушек. Я фыркнула.

— Вы не умеете подкатывать.

— Знаю, — он вздохнул. — И это ужасно. Моя бывшая говорила, что я как лось в посудной лавке. Всё ломаю, ничего не могу сделать аккуратно.

— Она была права.

— Наверное. Поэтому она и бывшая.

Мы помолчали. В зале заиграла музыка — скрипка, грустная, тягучая. Я вдруг подумала: «А почему бы и нет?» Кофе, пончик, полчаса разговора с незнакомцем, который не знает

моего прошлого. Безопасно. И почти по-человечески.

— Хорошо, — сказала я. — Но только один кофе. И я сама за себя плачу.

— Договорились, — он улыбнулся. — Пойдёмте, пока никто не хватился.

Кофейня называлась «Уголёк». Маленькая, с красными диванами и запахом жасминового чая. Мы сели в углу, он заказал чёрный кофе, я — зелёный чай и обещанный пончик. Пончик оказался с корицей, сладким и тёплым, и я съела его с таким удовольствием, что Гари рассмеялся.

— Вы не ели три дня? — спросил он.

— Просто редко балую себя, — ответила я, вытирая губы.

— Странно. Такая красивая девушка — и не балует своего внутреннего ребенка.

— Хватит комплиментов у вас плохо выходит.

Он покраснел сам. Искренне, до кончиков ушей.

— Простите, я не умею я просто...

— Выдохните, я просто пошутила, — я смягчилась. — Расскажите лучше о себе. Откуда вы? Почему пошли в охрану?

Он рассказал. Обычная история: родился в Канзасе, вырос без отца (мать работала медсестрой, умерла, когда ему было десять), потом армия, контракт, перевод в спецподразделение. Сейчас — «лёгкая работа», пока не решит, что делать дальше.

— А ваша семья? — спросил он робко.

— Я сирота, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

— Мать далеко, отчим... мы не общаемся.

Я не врала. Мама действительно была далеко, отчим — чужой. Только правда была страшнее, чем он мог представить.

— Мне жаль, — сказал он серьёзно.

— Не надо не люблю когда меня жалеют. Да и всё к лучшему.

Мы допили чай и кофе. Он попытался заплатить за меня, я настояла на своём. На выходе из кофейни он спросил:

— Можно я вам позвоню? Ну, просто так. Поговорить.

Я хотела отказаться. Но внутри, там, где обычно было пусто, шевельнулось что-то тёплое и голодное.

— Хорошо, — я продиктовала номер своего второго телефона. — Но только не каждый день. Я занятой человек.

— Договорились, — он улыбнулся. — Спасибо за пончик.

— Это вы угостили.

— А, да — он снова покраснел.

Мы вернулись на выставку, разошлись по своим углам. До конца смены он посматривал на меня, но не подходил. Я делала вид, что не замечаю. Сердце билось чуть быстрее обычного. Опасный признак.

На следующее утро он позвонил. Ровно в десять, когда я уже была на работе.

— Доброе утро, Лиля. Как спалось?

— Это не ваше дело, — ответила я по привычке.

— А чай пили?

— Да.

— С печеньем?

— Нет.

— Зря. Печенье — лучший друг одиночества. Я не сдержала улыбку.

— Гари, у вас есть работа? Или вы только тем и занимаетесь, что названиваете секретаршам?

— Я в отпуске. Сегодня первый день. Хотел предложить погулять, но вы заняты.

— Я всегда занята, — ответила я, глядя на пустой стол.

Документы закончились, начальник уехал в командировку, следующее дело — через три часа.

— Врёте, — сказал он. — Но я не настаиваю. Позвоню завтра.

Он сдержал слово. Звонил каждый день — недолго, по две-три минуты. Спрашивал о погоде, о делах, о том, ела ли я сегодня. Иногда рассказывал смешные истории из своей работы: как поймал вора, который пытался украсть ложку из буфета, или как его заперли в подсобке на два часа. Я слушала, иногда смеялась, иногда отвечала односложно. Мне это нравилось — больше, чем я себе признавалась.

Через неделю мы встретились снова. Он пришёл в мой офис с букетом белых лилий — нелепый, взъерошенный, с розовыми щеками.

— Вы с ума сошли, — прошипела я, втаскивая его в ка-

бинет. — Начальник увидит.

— Пусть видит, — он поставил цветы в пустую кружку.
— Я хочу вас пригласить на ужин. Не сегодня, завтра. Место без камер, без лишних глаз. Просто поужинаем, как два обычных человека.

— Я не обычный человек, а очень занятой сотрудник.

— Знаю. Но выглядите как обычная скучающая леди. Хотя нет — прекраснее, чем обычная.

— Вы всем такое говорите?

— Никому. Только тем, кто вызывает у меня желание быть лучше.

Я не знала, что ответить. В голове боролись два голоса: один шептал «опасно, откажись», второй — «а почему бы и нет? Один раз, ничего не случится».

— Хорошо, — сказала я. — Только завтра в восемь. Ждите у фонтана.

Он ушёл, оставив лилии. Я долго смотрела на них, вдыхая запах. Сладкий, немного приторный, почти живой.

Ужин состоялся в маленьком ресторане на крыше, с видом на ночной город. Он заказал столик в углу, под фикусом, чтобы нас не было видно. Я оценила предусмотрительность.

— Вы часто так делаете? — спросила я, когда мы сели.

— Что именно?

— Прячетесь с девушками от чужих глаз.

— Я вообще не хожу на свидания, — он смутился. — Последний раз было два года назад. Закончилось плохо.

— Чем?

— Она сказала, что я слишком скучный. Только и делаю, что работаю.

— А вы? — я смотрела на него поверх меню.

— Я сказал, что она слишком громкая. Только и делает, что жалуется.

Мы засмеялись. Заказали пасту и красное вино. Он пил мало, я — ещё меньше. Разговор не клеился, но был каким-то домашним, тёплым. Мы спрашивали друг друга о книгах, фильмах, музыке. Оказалось, он любит джаз, а я — тишину.

— Как можно любить тишину? — удивился он.

— Очень просто. Когда долго живёшь в шуме, начинаешь ценить его отсутствие, — ответила я.

Он не стал расспрашивать. Просто кивнул. После ужина он проводил меня до дома. У подъезда остановился, не решаясь на прощание.

— Лила, — сказал он. — Я хочу вам кое-что сказать. Не сейчас, позже. Когда вы будете готовы.

— Я всегда готова, — ответила я. — Но не люблю секреты.

— Это не секрет. Это тяжело. Для меня. Может, и для вас.

Я посмотрела ему в глаза. Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

— Говорите сейчас, — сказала я.

Он вздохнул, провёл рукой по волосам.

— Моя фамилия — Эванс. Гари Эванс. Мой отец он работал в спецслужбах. Он был женат на женщине, у которой была дочь. Её звали Лизи. Она пропала много лет назад. Я думал, она мертва. Но недавно я узнал, что она жива и о том что мой отец он её предал. Продал за деньги. Я искал её, чтобы попросить прощения. И мне кажется, теперь нашёл.

Я замерла. Кровь отлила от лица.

— Вы вы думаете, что это я?

— Я не знаю, — он посмотрел на меня с мукой. — Но вы похожи. Не внешне — вы изменили лицо. Но ваши глаза и то, как вы прячетесь, как боитесь людей, как смотрите на мир. Моя мать учила меня: «Если человек убегает, значит, ему есть от чего убегать». Вы убегаете, Лила. И я хочу знать — от кого?

— Вы говорили со своим отцом? — спросила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Он умер. Полгода назад. Рак. Перед смертью он всё рассказал. Про лабораторию, про опыты, про то, как он привёз девочку туда. Он хотел, чтобы я нашёл её и попросил прощения за него.

— Вы не можете просить прощения за другого, — сказала я тихо.

— Я знаю. Поэтому я хочу попросить за себя. За то, что я — его сын. За то, что не нашёл вас раньше. За то, что ношу его кровь и она течёт в моих венах.

Я сделала шаг назад. Потом ещё один. Стена подъезда

упёрлась в спину.

— Вам не нужно моё прощение, Гари, — сказала я. — Вам надо оставить меня в покое.

— Лиза— Я не Лиза. И я не та что должна прощать вас, вы ошиблись! — я развернулась и ушла в темноту подъезда, оставив его одного под фонарём.

Дома я сидела на полу в прихожей, обхватив колени. Линзы выпали, парик я содрала ещё на лестнице. Рыжие волосы рассыпались по плечам — настоящие, неподдельные. Я смотрела на них и думала:

«Он знал. С самого начала знал. И всё равно пришёл».

Я не знала, что делать. Часть меня кричала:

«Беги, меняй внешность, исчезай».

Другая часть, слабая, почти неживая, шептала:

«Он не такой, как отец. Он пришёл не предавать. Пришёл просить прощения».

— Не прощу, — прошептала я в пустоту. — Никого. Никогда.

Но внутри, там, где жила сила, что-то дрогнуло.

Телефон зажужжал. Сообщение от Гари:

«Я понимаю, если вы не захотите меня больше видеть. Но я буду ждать. Не у дверей — на расстоянии. Просто чтобы вы знали: вы не одни».

Я не ответила. Выключила свет, легла на кровать, уставилась в потолок. И долго не могла уснуть, слушая, как бьётся моё собственное сердце.

Завтра я поеду к маме, — подумала я.

— Завтра я увижу её впервые за шесть лет, а Гари Гари подождёт.

Глава 5: Яблочный пирог и Тишина

После той ночи я не брала трубку три дня. Гари звонил — раз утром, раз вечером. Коротко, не навязчиво. Оставлял сообщения: «Я понимаю что последний человек которого ты хочешь видеть», «Я подожду пока ты не простишь меня», «Надеюсь, ты в порядке».

Я не отвечала, хотя и не стирала. Голос голосовых сообщений был мягким, почти виноватым. Он не давил, не требовал, не оправдывался. Просто был здесь — где-то на расстоянии, которого я сама не могла измерить.

Но внутри меня зрело другое заветное — не страх, не злость, а странная, липкая решимость. Я должна была наконец-то увидеть маму.

Я откладывала этот визит два года. Два года собиралась с духом, придумывала предлоги, выстраивала оправдания. Сначала — слишком опасно, меня ищут. Потом — слишком больно, я не готова. Потом — а что, если она меня не узнает? Что, если узнает, но не простит?

Теперь отчим умер. Гари сказал это в ту ночь у подъезда. Я не знала, что чувствовать от этой важной информации. Облегчение? Пустоту? Слишком много лет он был для меня не человеком — тенью, монстром, который существовал только в мыслях, а теперь его не стало, и мир вокруг не изменился. Солнце светило так же, дождь шёл так же, люди

спешили по своим делам.

Только внутри меня что-то щёлкнуло, переключилось, как замок.

— Пора, — сказала я себе.

— Хватит бежать.

Я взяла телефон, набрала мамин номер. Бабушкин дом, старый, в пригороде. Она переехала туда после развода — подальше от города, от воспоминаний, от людей, которые знали нашу семью.

— Алло? — голос в трубке был хриплым, уставшим. Я молчала. Я не узнала его. Он изменился — стал ниже, глуше, с хрипотцой, как будто она долго плакала перед тем, как ответить.

— Добрый день? — повторила она. — Кто говорит?

— Здравствуйте, — выдавила я.

Чужой голос, чужие слова.

— Вы заказывали адвоката из конторы? Я ваш представитель. Мне нужно обсудить дело.

— Ах, да, — она словно обрадовалась. — Проходите. Я собираюсь напечь пирогов с яблоками.

Я сбросила звонок. Сжала телефон в руке так, что хрустнул пластик.

— Завтра, — прошептала я. — Завтра я приду, мам.

Ночью перед встречей я не спала. Лежала на кровати, смотрела в потолок и слушала, как стучит моё сердце — слишком громко, слишком часто. В голову лезли воспоминания.

нения.

Маленькой я сижу на кухне, смотрю, как мама месит тесто. Её руки в муке, волосы собраны в небрежный пучок, на фартуке — яблочное пятно. Она улыбается, напевает что-то мелодичное и тихое, и я чувствую себя в безопасности. Такой как тогда, какой была никогда не буду чувствовать снова.

«Лизи, принеси яблоки из погреба».

Я бегу босиком по холодному полу, открываю тяжёлую дверь, погреб пахнет землёй и плесенью. Яблоки в ящике, жёлто-зелёные, с мелкими пятнышками. Я беру три штуки, мама говорит:

«Помой».

Я мою. Она разрезает, складывает в пирог, посыпает корицей. Готово. Пирог пахнет детством.

Я закрываю глаза и чувствую, как по щеке течёт слеза. Не от боли, от тоски.

— Мам, я скучаю, — шепчу я.

Дом был старым. Белая краска облупилась, ставни покосилились, крыльцо просело. Я стояла у калитки, сжимая в руке папку с фальшивыми документами, и не могла сделать шаг. Сердце колотилось где-то в горле, линзы жгли глаза, парик душил.

Ты можешь разорвать титан взглядом, но не можешь пересечь этот маленький двор.

Я сделала шаг. Второй. Третий. Постучала.

Три коротких удара. Шаги. Медленные, чуть шаркающие.

Я слышала, как она поправила волосы, как вытерла руки о фартук, как глубоко вздохнула. Дверь открылась. Она стояла на пороге — женщина с пепельными волосами, собранными в небрежный пучок, в синем халате, который помнил лучшие времена.

Её глаза, когда-то светло-голубые, как у меня, выцвели до серого. Под ними — тени. Много теней. Морщины — новые, глубокие, как трещины на высохшей земле.

— Здравствуйте, — сказала она.

Голос — тот самый, из телефона. Уставший, хриплый, но живой.

— Вы адвокат? Проходите, милочка.

Я шагнула через порог, и дом пахнул мамой. Лавандой, корицей, старыми книгами и ещё чем-то — неуловимым, что называется «домом». Я знала этот запах с рождения. Он впитался в мою кожу, в волосы, в самые глубокие слои памяти.

— Проходите на кухню, — она пошла впереди, чуть сутулясь. — Я только что испекла пирог. С яблоками. Вы любите яблоки?

Она повернулась, улыбнулась. Ямочки на щеках — те самые, которые я целовала в детстве, когда болела и она сидела у моей кровати. У меня перехватило дыхание.

— Люблю, — ответила я чужим голосом.

Мы сели за стол. Она налила чай — ромашковый, как раньше. Пирог был горячим, с хрустящей корочкой. Я отломил кусочек, положила в рот. Вкус детства — сладкий, с

горчинкой, распался на языке.

— Вы давно работаете адвокатом? — спросила она, глядя на меня поверх чашки.

— Несколько лет, — ответила я. — Я помогаю людям с документами.— А где ваша семья? Дети? Муж?

— Я одна. Она кивнула, будто ожидала этого.

Посмотрела на мои руки — я забыла снять кольцо, которое носила на левой руке. Простое серебряное кольцо, без камней. Мамина мама подарила его мне на пятнадцать лет — единственная вещь, которую я взяла из дома перед побегом.

— Красивое кольцо, — сказала она. — Есть история?

— Бабушка подарила. Она умерла давно.

— Моя мать тоже любила такие вещи, — она вздохнула.

— Простые, но с душой.

Я молчала. Боялась, что голос выдаст.

— Расскажите о вашем деле, — сказала я, чтобы сменить тему.

Она начала рассказывать. О бизнесе, который отсудил бывший муж, о документах, которые подделал, о деньгах, которых не хватает. Я слушала вполуха, кивала, делала вид, что записываю. На самом деле я не могла оторвать глаз от её лица.

Каждая морщинка, каждый седой волос, каждая веснушка на носу — всё это было мамой, той, которую я потеряла шесть лет назад и нашла сегодня.

— Ваша дочь, — спросила я осторожно. — Вы говорили,

она пропала?

Она замолчала. Отставила чашку, положила руки на стол. Пальцы дрожали.

— Пропала, нет, её похитили, — сказала она глухо. — Шесть лет назад. Её забрали. Муж тогда сказал — в безопасное место. Оказалось — в лабораторию. Я не знала. Я думала всё к лучшему, думала она уехала учиться контролировать силы. Потом он сказал, что она погибла. При побеге.

— Вы верили ему? — Я верила ему во всём, — она покачала головой. — Потом он заболел. Рак. Перед смертью признался. Рассказал всё. Про лабораторию, про учёных, про то, что она жива. Что сбежала и он не знает, где спряталась.

У меня похолодели руки.

— И что вы сделали?

— Ничего, — она улыбнулась горько. — Что я могла? Она не приходит. Не звонит. Может, стесняется? Может, ненавидит?

— Она не ненавидит, — сказала я, и голос мой дрогнул.

Мама подняла глаза. Посмотрела на меня долго, внимательно. Что-то дрогнуло в её взгляде — узнавание или надежда?

— Вы похожи на неё, — прошептала она. — Чуть-чуть. Не лицом — взглядом. У неё наверное тоже был такой взгляд. Недоверчивый, усталый, как у зверя, которого слишком долго били.

Я опустила глаза. Слезы жгли линзы.

— Простите, где у вас ванная? — спросила я.

Она показала. Я заперлась, содрала линзы, стянула парик. В зеркале отражалась чужая — рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам, бледная кожа, голубые глаза, красные от слёз. Настоящая я.

— Мама, — прошептала я. — Это я.

Я вышла из ванной. Она стояла в коридоре, прислонившись к стене. Её лицо было белым, как мел, глаза — огромными.

— Лизи? — спросила она. — Господи, Лизи?

— Это я, мамуль, — я шагнула к ней. — Я жива. Я вернулась.

Она упала на колени, обняла мои ноги, заплакала — беззвучно, надрывно, как плачут только самые сильные женщины, когда их сила заканчивается.

— Моя девочка, — шептала она. — Моя маленькая девочка.

— Тише, мамочка, — я опустилась рядом, обняла её. — Всё хорошо. Я здесь.

Мы сидели на полу в коридоре, обнявшись, как тогда, в детстве, когда я упала с качелей и не заплакала — она плакала за меня. Теперь она плакала за все пролетевшие годы. За шесть лет, за боль, за ложь, за отчима, за меня.

— Я знаю про Гари, — сказала я, когда она немного успокоилась. — Сын того человека. Мы познакомились.

— Он приходил, — мама вытерла слёзы. — Месяц назад.

Просил прощения. За отца. За себя. Сказал, что ищет тебя.

— Он нашёл.

— И что ты чувствуешь?

— Не знаю, мам, — ответила я честно. — Он не такой, как они. Но его кровь...

— Кровь не выбирают, — мама взяла мою руку. — Я любила твоего отца. Он был инопланетянином, чужим, но его кровь не мешала ему любить меня. А кровь Роберта не мешает Гари быть другим.

— Ты веришь в это?

— Я верю в людей, — она улыбнулась. — Не в кровь.

Мы проговорили до вечера. Я рассказала ей о побеге, о силе, о том, как научилась скрываться. Она слушала, не перебивая, только иногда сжимала мои пальцы. Когда я замолчала, она сказала:

— Ты должна быть осторожнее. Они всё ещё ищут тебя.

— Знаю, — ответила я. — Поэтому я ненадолго. Как только улажу твои дела с документами.

— Дела подождут, — она покачала головой.

— Ты жива — это главное.

Мы поужинали. Она согрела суп, достала варенье, налила чай. Мы ели молча, глядя друг на друга, и это молчание было громче любых слов.

Ночью я легла в своей старой комнате в доме бабушки. Розовые обои, полка с книгами, плюшевый медведь на кровати. Всё было на месте. Даже запах — мой, детский, из то-

го времени, когда я ещё не знала, что такое страх. Я уснула быстро, без снов, впервые за долгое время чувствуя себя в безопасности.

Проснулась я от шагов. Не маминых — чужих. Тяжёлых, осторожных. Я села на кровати. Сердце забилось как бешеное. Выглянула в окно — двор был окружён. Три машины без опознавательных знаков, люди в чёрном с автоматами.

— Мама! — крикнула я, выбегая в коридор.

Она стояла на кухне у окна, в ночной рубашке, босиком. В руках — кружка с чаем, ещё тёплая.

— Они пришли, — сказала она спокойно.

— Тебе надо бежать, мам.

— Бежать некуда, дорогая. Дом окружён.

Я схватила её за руку, вывела через чёрный ход. Мы побежали в сад. Сзади — крики, выстрелы. Я создала щит — невидимый, упругий, — прикрыла нас обоих.

— К лесу! — крикнула я.

Мы почти добежали. Особая титановая пуля прошла сквозь моё биополе и попала ей в спину. Она вскрикнула, упала. Я подхватила её, прижала к себе.

Кровь хлестала, горячая, липкая. Прямо из сердце.

— Нет, нет, нет — я прижала руки к ране, пыталась исцелить.

Сила лилась рекой — золотой, тёплой, живой. Но сердце не билось. Кровь не останавливалась.

— Лизи, — прошептала она, глядя на меня своими серы-

ми глазами — моими глазами. — Ты жива. Ты здесь. Это всё, что важно.

— Не умирай, мама.

— Я всегда буду с тобой, — она улыбнулась. — В каждом новом дне, в каждом яблочном пироге. В каждой твоей улыбке.

Она закрыла глаза. Дыхание остановилось резко как заглохший моторчик. Пальцы, сжимавшие мою руку, разжались.

Я сидела на коленях в грязи оставшиеся после вчерашнего грибного дождя, прижимая её к себе, и не могла дышать. Мир сузился до точки — до её лица, до пятна крови, которое расползлось по моей одежде.

Сзади приближались шаги. Я не оглянулась.

— Образец 13-Б, — сказал чей-то голос. — Вы окружены. Сдавайтесь.

Я медленно подняла голову. Вокруг стояли люди в чёрном.

Десять, двенадцать, пятнадцать. Автоматы нацелены мне в грудь, в голову, в руки.

— Вы убили её, — сказала я. Голос не дрожал.

— Вы убили единственного человека, который меня любил.

— Сдавайтесь, — повторил голос. — Или мы откроем огонь.

Я не сдалась. Я встала, держа маму на руках — она была

лёгкой, как пёрышко, как лист осенью. Прошла сквозь строй солдат, и они расступились.

Не потому, что я приказала — потому что на моём лице было такое горе, перед которым отступает даже страх.

— Я вернусь за вами, — сказала я, не оборачиваясь. — И вы заплатите.

Я ушла в ночь, неся маму туда, где её похоронят — под старой яблоней у нашего брошенного дома, которую она сажала в день моего рождения.

Телефон зажужжал в кармане без остановки с прошлого вечера, но сейчас мне было не до него.

Глава 6: Тот кто пришёл из темноты

Похороны были через три дня в заброшенной людьми глубинке. Я стояла под старой яблоней, на холме, откуда открывался вид на долину.

Гроб уже опустили в землю, старый священник ушёл, седые могильщики разошлись. Осталась только я — в чёрном платье, босиком, с растрёпанными рыжими волосами, которые я больше не прятала. Линзы я выбросила. Парик сожгла. Пусть видят. Пусть знают. Мне больше нечего терять.

Ветер шевелил траву, гнал облака по бледно-голубому небу. Где-то вдаль кричали птицы — резко, тревожно. Я смотрела на свежий холмик земли, на котором ещё не успела вырасти трава, и не чувствовала ничего. Пустота. Такая же, как в камере сенсорной депривации, только без стен. Бесконечная, холодная, всепоглощающая.

— У тебя нет никого, — прошептала я. — Ни отца, ни матери, ни дома. Только сила и ненависть к чёртовому миру. Этого достаточно, чтобы выжить?

Ответа не было. Я стояла до заката. Солнце опустилось за горизонт, окрасив небо в багрянец — такой же, как мои волосы, как кровь на асфальте в ту ночь. Потом стемнело, и стало холодно. Дрожь пробежала по телу — первый раз за

много лет.

Может быть, я начинала чувствовать не только душевную боль, но и физическую или просто организм сдавался после трёх дней без сна и еды.

Я села на траву, привалившись спиной к стволу яблони. Закрыла глаза и в тот же миг услышала шаги. Не солдатские — тихие, почти неслышные. Один человек. Без оружия. Сердце билось ровно, без страха. Значит, не враг.

— Лила, — сказал голос тихо.

Знакомый. Тот, что звонил мне по ночам и говорил глупости о похищенных сердцах. Я не открыла глаза.

— Меня зовут больше не Лила, — ответила я. — Меня зовут Элизабет. Кажется что никто не называл меня так уже много лет.

— Элизабет, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Красивое имя. Как королева.

— Королевы не сидят на могилах матерей. Он подошёл ближе и сел рядом — на траву, не боясь испортить брюки. Гари был в чёрном — чёрные джинсы, чёрный свитер, как будто он тоже пришёл на похороны. Только в петлице не было траурной ленты. Он смотрел не на меня, на могилу.

— Я знаю как тебе больно, — сказал он. — Но надо двигаться дальше. Прости что не смог помочь.

— Не ты убил маму, так что... Шепнула я.

В свете луны его глаза были почти чёрными — зелёное исчезло, осталась только глубокая, древняя грусть.

— Но я знаю свою вину, ведь мой отец был чудовищем. Я хотел искупить его вину. Не ради него — ради себя. Чтобы спать спокойно.

— И как, спится после встречи со мной?

— Плохо, — признался он. — Мне снятся лаборатории. Не твои — мои. Я много лет работал под прикрытием в подобных местах, собирал информацию. Видел, что они делают с такими, как ты. И не мог ничего изменить. Боялся.

— А теперь?

— Теперь не боюсь, — он посмотрел мне прямо в глаза.

— Ведь встретил тебя.

Я хотела рассмеяться или ударить его. Уйти далеко без оглядки. Но вместо этого просто сидела, уставившись в темноту, и молчала.

Тишина длилась долго — может быть, минуту, может быть, час. Время потеряло смысл.

— Ты хочешь мне помочь? — спросила я наконец.

— Да.

— Даже зная, что я опасна?

— Особенно поэтому.

Я встала. Он тоже. Мы стояли друг напротив друга — два очертания в лунном свете, два одиночества, которые случайно наткнулись друг на друга и не знали, что делать дальше.

— Идём, — сказала я.

— Мне нужно в город.

— Я подвезу.

Машина была старой, с облупившейся краской и запахом кофе внутри. Гари вёл молча, сосредоточенно глядя на дорогу. Я смотрела в окно на ночные огни Мельбурна — они мелькали за стеклом, размытые, чужие, как звёзды, до которых никогда не долетишь.

— Ты знал, что они придут? — спросила я.

— Знак, — ответил он.

— Я перехватил радиограмму за два часа до операции. Попытался предупредить, но не успел. Ты не брала трубку.

— Я была у мамы. Мы говорили. Я поставила телефон на вибрацию.

— Прости.

— Не извиняйся. Ты не стрелял.

Он сжал руль так, что побелели костяшки.

— Я ненавижу своего отца. Не за то, что он продал тебя — за то, что он сделал с нашими жизнями. С твоей, с моей, с нашими мамами. Он разрушал всё, к чему прикасался.

— И ты боишься стать таким же, — сказала я.

Это был не вопрос. Он промолчал. Но его молчание было громче слов. Мы приехали в город под утро. Гари остановился у моего дома — старой многоэтажки на окраине, где даже лифт не работал.

— Спасибо, — сказала я, открывая дверь.

— Элизабет, — позвал он.

Я обернулась.

— Я не буду давить. Не буду лезть в твою жизнь. Но если

захочешь поговорить — я рядом. Всегда.

— Даже ночью?

— Особенно ночью, я отлично отгоняю призраков.

Я вышла из машины и пошла к подъезду. В спину мне били фары — тёплый жёлтый свет, похожий на его взгляд. Я не обернулась. Но знала, что он смотрит мне вслед, пока я не скроюсь за дверью.

Следующие недели были странными. Я не работала — взяла отпуск за свой счёт, начальник не возражал. Сидела дома, смотрела в стену, перебирала мамины вещи — те, что успела забрать из дома перед тем, как его опечатали.

Фотографии, письма, старая шкатулка с украшениями, её любимый фартук в горошек. Я нюхала этот фартук и плакала. Плакала, как не плакала даже в лаборатории.

Гари звонил каждый день. Не навязчиво — раз утром, раз вечером. Спрашивал, ела ли я, спала ли, не нужно ли чего. Я отвечала коротко, односложно. Иногда срывалась и кричала:

«Отстань! Не делай вид, что тебе не всё равно!».

Он молчал, ждал, пока я выдохнусь, и говорил: «Я позволю завтра».

И звонил.

Однажды — это было в воскресенье, через три недели после похорон — он приехал без звонка. Я открыла дверь в халате, растрёпанная, опухшая от слёз. Он стоял на пороге с пакетом продуктов.

— Ты не отвечала на звонки, — сказал он. — Я волно-

вался.

— Я не хочу есть.

— Это не тебе, — он прошёл мимо меня на кухню и начал выкладывать продукты из пакета. Хлеб, молоко, яйца, зелень, сыр. — Это мне. Я буду готовить, а ты будешь смотреть, как я готовлю, и есть, если захочешь.

— Ты не умеешь готовить, — заметила я.

— Научусь.

Он и правда не умел. Яйца подгорели, сыр расплавился не там, хлеб превратился в сухари. Но он стоял у плиты, помещивая что-то в сковородке, и выглядел таким нелепым, таким уязвимым, таким живым, что я впервые за месяц улыбнулась.

— Смотри, — сказал он, показывая на подгоревший омлет. — Это искусство.

Ты не видела ничего подобного.

— Искусство поджигателя.

— Не обижай моё блюдо. Искусство — это взрыв!

Мы ели этот чёрный омлет на кухне, запивая молоком, и молчали. Тишина была не тяжёлой — той, которая лечит. Как после долгой болезни, когда ты уже почти здоров, но ещё не привык к тишине в голове.

— Гари, — сказала я, когда мы закончили.

— М? — он поднял голову.

— Почему ты не боишься меня?

— Боюсь, — ответил он. — Очень.

Но страх — это не повод убежать. Это повод быть осторожным.

— А если однажды я случайно сожгу тебя?

Сила не всегда меня слушается. Он улыбнулся — своей кривой, мальчишеской улыбкой.

— Тогда хотя бы согреюсь. Я всегда мёрзну.

Мы рассмеялись — оба, впервые за долгое время. И в этом смехе было что-то важное, что-то, что возвращало меня к жизни.

С того дня Гари стал приходить каждый вечер. Мы не говорили о прошлом — о лаборатории, о матери, о его отце. Мы говорили о пустяках: о погоде, о книгах, о фильмах. Он рассказывал про свою работу — не секретную, скучную: про бумаги, про начальника-самодура, про коллегу, который крадёт чужие идеи. Я жаловалась на свою квартиру — на протекающую трубу, на скрипучие половицы, на соседа сверху, который играл на саксофоне по ночам.

— Хочешь, я поговорю с ним? — предложил Гари.

— Ты что, убьёшь его?

— Нет, предложу уроки музыки. За деньги. Он станет лучше играть или перестанет от отчаяния.

Я смеялась. Он смеялся. И в эти моменты — короткие, редкие — я забывала о том, что я — Образец 13-Б, беглый инопланетный гибрид, за которым охотится правительство. Я забывала, но ненадолго. Ночью приходили флешбэки. Мне снилась лаборатория.

Мефистофель склонялся надо мной с ножом, и я видела каждую морщинку на его лице, каждую пору, каждое пятнышко. Он улыбался и говорил: «Не бойся, девочка. Это всего лишь небольшая проверка на прочность».

Я просыпалась в поту, с криком на губах. Сердце колотилось, вены светились сквозь кожу — золотым, тревожным светом. Иногда, когда сны были слишком яркими, моя сила вырывалась наружу: стены покрывались инеем, лампочки лопались, а в воздухе пахло озоном.

В одну из таких ночей — это было уже в конце второго месяца — я проснулась от удушья. Комната была залита золотым свечением. Мои руки лежали поверх одеяла, и из кончиков пальцев струились тонкие нити света — они тянулись к потолку, к стенам, к двери. Я испугалась — не себя, а того, что могу разрушить дом.

— Тише, — сказал голос.

Гари стоял в дверях. Он не спал — на нём были джинсы и футболка, волосы взлохмачены. Он видел свечение, нити, и следы инея на подоконнике.

— Ты — начала я.

— Я пришёл проверить, как ты. Твои окна светились. Соседи могли заметить.

— Прости, — прошептала я. — Я не могу это контролировать. Когда сплю — сила просыпается.

— Не проси прощения, — он подошёл, сел на край кровати.

— Расскажи, что тебе снилось.

Я рассказала. О Мефистофеле, об иглах, о том, как они пытались вскрыть мой череп, но кости не поддавались даже лазерной пиле. О том, как я кричала, но не от боли — от бессилия. О том, как каждый раз, когда я закрывала глаза, видела маму — живую, улыбающуюся, а потом мёртвую, с пуль в груди.

— Это никогда не пройдёт? — спросила я.

— Не знаю, — ответил Гари. — Но если ты позволишь, я буду рядом. Не для того, чтобы спасти. Просто чтобы ты знала — ты не одна.

Он протянул руку. Я взяла её — осторожно, как будто она могла сломаться. Его пальцы были тёплыми, грубоватыми, с мозолями. Он не отдернул, когда мои нити света коснулись его ладони — они не обжигали. Наоборот, они тянулись к нему, как живые, обвивали запястье, оставляя золотистый след.

— Красиво, — сказал он.

— Опасно.

— И безумно красиво. Это не исключает друг друга.

Мы сидели так до рассвета. Я рассказывала, он слушал. Свет в комнате постепенно гас, иней таял, оставляя на стенах мокрые разводы. Когда первые лучи солнца заглянули в окно, я почувствовала, что усталость отступает. Впервые за долгое время я не боялась заснуть.

— Гари, — сказала я тихо.

— М?

— Ты не похож на своего отца.

— Спасибо, за комплимент — он улыбнулся. — Это лучшие слова, которые я слышал.

Через неделю я получила знак от отца. Это случилось во сне — или не во сне. Я лежала в кровати, и вдруг воздух наполнился красным свечением — не золотым, как у меня, а глубоким, тёмным, цвета запёкшейся крови.

Из этого свечения вышел мужчина — высокий, с кожей цвета заката, с глазами, которые я помнила с детства.

— Дочь моя, — сказал он. — Я пришёл не за тобой. Ещё не время. Но скоро. Корабль готовится к старту.

— Скоро — это когда? — спросила я.

— Когда ты будешь готова, — ответил он. — Твоя сила растёт. Я чувствую её даже отсюда. Но ты ещё не созидательница. Ты только на пути.

— Что такое созидательница?

Он протянул руку, и в его ладони появился цветок — с пятью лепестками. Красный, зелёный, голубой, белый и жёлтый. Лепестки пульсировали, переливались, жили своей жизнью.

— Это символ нашей планеты, — сказал он. — Акабар. Когда-то давно, в начале времён, наша земля была единой. Потом пришла война, и мир раскололся на пять рас. Каждая расцветает, когда её солнце в зените. Но только одна может объединить их — та, кто владеет всеми цветами. Ты — эта

женщина, Элизабет.

— Я не хочу объединять миры, — ответила я. — Я хочу просто жить.

— Это одно и то же, — улыбнулся он и начал таять.

— Подожди! Что с Гари? Он часть пророчества?

— Гари — твой выбор, — прозвучало в ответ. — Ни пророчество, ни я не могут предсказать будущее. Только ты.

Он исчез.

Я проснулась с мокрым лицом. На подушке лежал маленький цветок — из света, не из плоти. Он мерцал несколько секунд, а потом рассыпался золотистой пылью, которая растворилась в воздухе.

Я не рассказала Гари. Не была готова. Но знак отца поселился в моём сердце, и я носила его, как тайну, как обещание, как приговор.

Отношения с Гари развивались медленно — как ледник, как рост кристаллов. Мы не говорили о любви, не клялись в вечности, не строили планов. Мы просто были рядом.

Однажды вечером — это случилось в начале лета, когда воздух пах сиренью и грозой — мы сидели на балконе моей квартиры, пили вино и смотрели на звёзды. Город под нами шумел, гудел, жил своей жизнью, а мы были тихими, почти невидимыми, как две песчинки в огромной вселенной.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы улететь? — спросил он.

— Постоянно, — ответила я. — Но не знаю куда и когда

смогу.

— Твой настоящий отец зовёт тебя? — Ты знаешь об нём хоть что-то?

Он посмотрел на меня — прямо, честно, без уловок.

— Я знаю всё. Я нашёл архивы ученых спрятанных отцом. О Ка-Тар, о пророчестве, о Я знаю, что ты гибрид и когда-нибудь ты улетишь.

— Ты боишься этого?

— Боюсь, — признался он. — Но не того, что ты улетишь. А того, что я не успею сказать тебе главное.

— Что же? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Он взял меня за руку. Его пальцы дрожали — первый раз за всё время нашего знакомства. Гари — бывший спецназовец, человек, который смотрел смерти в лицо, — дрожал, как мальчишка.

— Я люблю тебя, Элизабет, — сказал он. — Не за способности, не за красоту, не за то, что ты особенная, а за то, что ты моя единственная и без тебя мне страшно. Так же, как тебе без меня

Я не ответила. Лишь придвинулась ближе и поцеловала его — впервые, по своей воле, не под давлением обстоятельств. Его губы были шершавыми, пахли вином и кофе, и они так подходили к моим, будто были созданы для них тысячу лет назад. Мы долго сидели в обнимку, глядя на звёзды.

Я думала о том, что Гари — человек. Смертный. Его жизнь — один миг на фоне моей. Он постареет, состарится,

умрёт, а я останусь — семнадцатилетняя навсегда, если не считать седины на душе. Но в тот вечер я не думала о будущем. Я просто была счастлива — впервые за долгие годы. И это счастье было горьковатым, как шоколад с солью, как любовь с привкусом прощания.

Потому что я уже знала — мы не будем вместе вечно. У нас есть только здесь и сейчас. И я решила взять его, это «сейчас», и держать, пока могу.

Глава 7: Долгая игра в прятки

Лето выдалось жарким. Воздух над Мельбурном стоял тяжёлый, как перед грозой, и даже по ночам не приносил прохлады. Мы с Гари проводили вечера на балконе — пили холодное вино, смотрели на огни города и притворялись, что у нас есть время. Притворялись, что мы обычные люди, которые могут строить планы на завтра, на следующую неделю, на следующий год.

Но тишина обманывала.

Я заметила слезку в первый вторник июня. Возвращаясь из магазина, я почувствовала взгляд — тяжёлый, прицельный, профессиональный. Остановилась у киоска с газетами, якобы рассматривая обложки, и скользнула восприятием по улице. Серый седан без номеров. Двое мужчин в штатском — один читает газету, второй смотрит в телефон. Но мысли их были не о работе или семье.

«Объект вышел из дома 131, направляется к метро. Ждём подтверждения».

Я не подала виду. Купила бутылку воды, медленно пошла к переходу. Завернула за угол, ускорила, потом нырнула в арку. Сила уже текла по венам, готовая к удару. Но убивать нельзя — это привлечёт ещё больше внимания. Я сделала себя невидимой — просто преломила свет вокруг тела, как учил отец в одном из тех полуснов, которые я уже не могла

отличить от яви.

Петляла полчаса, пока не убедилась, что хвоста нет. Домой вернулась через чёрный ход.

— Гари, — сказала я по телефону. — У нас проблемы. Они меня нашли.

Он приехал через двадцать минут — бледный, с каменным лицом. В руках — планшет с картой и тактическая сумка, которую я никогда раньше у него не видела.

— Они не просто нашли тебя, — сказал он, открывая планшет. — У них новый охотник. Специалист по нелегалам. Его зовут Кейн. Бывший капрал спецназа, переквалифицировался в отдел по борьбе с внеземными угрозами. Он умнее тех, кто брал лабораторию.

— И что ему нужно?

— Ты, — ответил Гари. — Живая, если повезёт. Мёртвая — если получится извлечь образцы. У него приказ любой ценой.

Я села на диван. Спокойно, почти безразлично. Внутри всё кипело, но я научилась прятать гнев, как другие прячут слёзы.

— Значит, бежим? — спросила я.

— Бежим.

Мы разработали план в ту же ночь.

Схема была простой: не оставаться на одном месте дольше трёх дней, менять города, документы, номера телефонов. Гари знал систему — его старые связи в спецслужбах при-

годились. Он добывал мне новые паспорта, кредитки, сим-карты. Я меняла внешность — цвет волос, разрез глаз, форму лица. Каждый раз я становилась кем-то новым: брюнеткой с зелёными глазами, шатенкой с карими, блондинкой с серыми. Я переставала быть собой, чтобы выжить.

— Ты теряешь себя, — заметил Гари однажды, когда мы сидели в дешёвом мотеле на краю Аделаиды. За окном шумело шоссе, в углу гудел кондиционер, с потолка свисала одинокая лампочка.

— Я давно потеряла себя, — ответила я. — В лаборатории. Осталась только оболочка.

— Неправда, — он взял меня за руку. — Ты внутри — та же. Я вижу.

— Что ты видишь?

— Девочку, которая прыгала с качелей и не плакала. Которая спасала одноклассников, рискуя свободой. Которая плачет по ночам о маме, хотя не признаётся.

Я отвернулась к окну. На шоссе не было машин — только ветер гнал пыль и сухие листья.

— Не анализируй меня, — сказала я глухо. — Просто помоги выжить.

— Я и помогаю, — ответил он. — Но не только выжить. Я хочу, чтобы ты начала жить.

Мы помолчали. Потом я легла на кровать, отвернулась к стенке и сделала вид, что засыпаю. На самом деле я слышала, как он смотрит на меня — долго, внимательно, как будто

запоминал каждую чёрточку моего не-лица. И внутри, там, где жила сила, что-то трепетало — не страх, другое, то, что я запрещала себе называть.

Через неделю нас нашли.

Это случилось в Брисбене. Я сменила внешность — светлые волосы, серые глаза, — и устроилась официанткой в маленькую кофейню у моря. Гари работал барменом в баре через дорогу. Мы виделись по ночам — он приходил после смены, мы говорили о ерунде, пили чай и иногда засыпали в обнимку на моей узкой кровати, не решаясь на большее.

Кейн появился в кофейне в субботу утром.

Я сразу его узнала — по выправке, по короткому ёжику тёмных волос, по глазам, которые не улыбались, когда улыбался рот. Он заказал чёрный кофе и сидел в углу, читая газету. Но я читала его мысли, и они были чёрными, как этот кофе.

«Образец 13-Б. Изменённая внешность, но энергетический след тот же. Прибор подтвердил. Ждём усиление».

Я не стала ждать. Я вышла во двор через кухню, нажала тревожную кнопку на телефоне (условный сигнал для Гари) и побежала к морю. Вода — моя стихия. Там им меня не догнать.

Но Кейн знал и это.

— Не глупи, — сказал он, выходя из-за угла. В руке — браслет-блокиратор. Я чувствовала, как он гудит — мощный, на новых батареях. — Ты никуда не уйдёшь. Сдайся, и

мы отпустим твоего дружка.

— Он не при чём, — ответила я.

— Он сын предателя. Это делает его соучастником по умолчанию.

Я шагнула к воде. Песок хрустел под ногами. Волны лизали щиколотки. Сила бурлила внутри, готовая вырваться, но блокиратор давил — ещё не надетый, но уже действующий на расстоянии. Откуда у них такая мощь?

— Последний шанс, — сказал Кейн.

Я нырнула. Под водой я была быстрее, чем любой человек. Я уходила в глубину, туда, где свет не проникал, где давило давление и где меня не могли достать ни датчики, ни пули. Я плыла, пока лёгкие не закричали о воздухе — но я не нуждалась в воздухе. Мои клетки питались водой, как рыбы.

Через час я вышла на берег в сорока километрах от Брисбена. Гари ждал — он угнал машину и стоял на шоссе, всматриваясь в горизонт.

— Жива? — спросил он.

— Жива, — ответила я, падая на заднее сиденье.

Мы ехали в глушь, в горы, туда, где нет камер и патрулей.

— Как они нас нашли? — спросил Гари, сжимая руль.

— Блокираторы нового поколения, — ответила я. —

Они действуют дистанционно. Чувствуют мой энергетический след.

— Значит, надо уходить туда, где следов нет.

— Куда?

Он помолчал. В его глазах я увидела страх — не за себя, за меня.

— К твоему отцу. На Акабар.

Я не ответила. Мысль о побеге с Земли — о том, чтобы навсегда оставить этот мир, где я родилась, где умерла мама, где я встретила Гари, — обожгла болью.

— Не сейчас, — сказала я. — Ещё не время.

Он не спорил.

Октябрь мы прятались в старом доме в лесу, вдали от городов, от дорог, от людей. Гари добывал еду в ближайшей деревне — ходил пешком, меняя маршрут. Я не выходила на улицу, даже во двор. Сила кипела внутри, но я сдерживала её — любой всплеск мог выдать нашу позицию.

По ночам мне снилась лаборатория.

В этих снах я была не заключённой — наблюдателем. Я видела себя со стороны: тринадцатилетнюю девочку с рыжими косами, пристёгнутую к кушетке, с иглой в вене. Учёные склонялись надо мной, щупали, кололи, резали. Я не чувствовала боли, но во сне я её чувствовала. Острую, как нож, пронзительную, как крик.

— Почему ты не плачешь? — спросил Мефистофель во сне.

— Потому что ты не заслужил моих слёз, — ответила я.

Я просыпалась в холодном поту, и Гари был рядом — всегда. Он не спрашивал, не утешал, не лез с советами. Просто сидел на краю кровати, смотрел в темноту и ждал, пока моё

дыхание выравнивается.

— Ты когда-нибудь терял надежду? — спросила я однажды.

— Да, — ответил он. — Когда узнал, что мой отец продал тебя. Я думал, что не смогу это пережить. Что вина сожрёт меня заживо.

— И как ты справился?

— Нашёл тебя, — он улыбнулся. — И понял, что вина не имеет значения. Главное — что я могу сделать сейчас.

Я легла обратно на подушку. В щель между досками в крыше я видела звёзды — маленькие, далёкие, холодные. Одна из них была Акабаром. Я чувствовала её, хотя не могла бы объяснить, как.

— Гари, — сказала я.

— М?

— Спасибо, что не сдал меня до этих пор.

Он засмеялся — тихо, почти беззвучно.

— Спасибо, что не сожгла меня. Пока.

Мы уснули под утро, в обнимку, под старым одеялом, пахнущим лесом и свободой.

В ноябре Кейн нашёл нас снова.

Мы не поняли, как. Может быть, по теплу — моя сила поднимала температуру вокруг, когда я злилась. Или по косвенным уликам — покупки в деревне, следы машины. Но он пришёл не один — с отрядом, с вертолётom.

Я проснулась от гула винтов.

— Гари! — крикнула я.

Он уже был на ногах, тащил меня к чёрному ходу. Мы побежали в лес — густой, тёмный, колючий. Сзади рвались гранаты, летели пули, лаяли собаки. Я создала щит — невидимый, упругий, — прикрыла нас обоих.

— Беги к реке! — крикнул Гари. — Я задержу их!

— Нет!

— Беги!

Я не послушалась. Я развернулась и встретила отряд лицом к лицу. Волна энергии — синяя, холодная, как полярное сияние — ударила из моих рук. Вертолёт закрутился, потерял управление, упал в стороне. Солдаты бросились на землю, закрывая головы.

Но не Кейн.

Он стоял, как скала, в защитном костюме, с блокиратором в руке. Улыбался.

— Твоя сила впечатляет, — сказал он. — Но блокиратор нового поколения погасит её, как свечу. Сдавайся, девочка. Или твой друг умрёт.

Я оглянулась. Гари лежал на земле — пуля попала в ногу. Кровь текла, чёрная в свете прожекторов. Он сжимал зубы, чтобы не кричать.

— Не стреляйте в него! — закричала я. — Я сдаюсь!

— Элизабет, нет! — хрипел Гари.

Я шагнула к Кейну. Блокиратор гудел, приближаясь. Я чувствовала, как сила уходит — не вся, но большая часть,

как вода из пробитого кувшина. Ещё секунда — и я стану беспомощной.

Я сделала последнее, что могла: телепортировалась.

Недалеко — всего на километр, но достаточно, чтобы вырваться из радиуса блокиратора. Я схватила Гари за руку и перенесла нас обоих в чащу леса, где нас не могли достать ни пули, ни собаки.

Это истощило меня. Я упала на мох, теряя сознание. Последнее, что я помню, — руки Гари, поднимающие меня, и его голос:

— Держись. Я вытащу тебя.

Я очнулась в машине. Мы ехали по просёлочной дороге, подпрыгивая на ухабах. Нога Гари была перевязана — он сам, одной рукой, пока вёл. На его лице — ссадины, грязь, усталость. Но глаза горели.

— Мы ушли, — сказал он. — На время.

— Как долго?

— Неделю. Может, две. Кейн не сдастся.

— Я знаю.

Мы замолчали. За окном тянулись поля, перелески, линии электропередач. Жизнь шла своим чередом, а мы были в ней — две тени, две ошибки системы, два человека, которые слишком много знали.

— Гари, — сказала я.

— М?

— Надо улетать на Акабар.

Он посмотрел на меня. В его глазах я увидела страх — не за себя, за то, что нас разлучат.

— Я не могу полететь с тобой. Я человек.

— Знаю, — ответила я. — Поэтому я всё ещё здесь.

Он взял меня за руку — грязную, в ссадинах, — и поднёс к губам. Поцеловал костяшки пальцев.

— Тогда не улетай, — прошептал он. — Пока мы ещё можем бороться за наше счастье.

— Мы сможем, — сказала я. — Наши шансы велики.

Но мы оба знали, что шанс тает. Как снег весной. Как надежда на мирную жизнь. Как моё время на этой планете.

Глава 8: Ловушка

Мы думали, что знаем цену осторожности. Ошибались очень сильно, чудовищно!

После побега из леса Гари завёз нас в глушь, куда не доходили даже дорожные службы. Зброшенная ферма в горах Виктории — дом без окон, с провалившейся крышей, с колодцем, из которого пахло тиной и смертью. Здесь мы прожили почти месяц. Я научилась спать с открытыми глазами, Гари — не спать вовсе.

Он охранял меня по ночам, сидя в углу с ножом в руке, и вслушивался в тишину. Тишина обманывала. Она всегда обманывает. Я лечила его рану — не мгновенно, как могла бы, а медленно, чтобы не выдавать себя вспышками золотого света. Клетки срастались, кожа стягивалась, но силы я тратила мало — только на поддержание маскировки, которая скрывала нас от тепловизоров и спутников. Это изнуряло.

Каждое утро я просыпалась разбитой, с металлическим привкусом во рту, с дрожью в пальцах.

— Ты худеешь, — заметил Гари однажды, когда я отказалась от еды.

— Сила жжёт калории, — ответила я. — Не волнуйся, я не умру с голоду. Мои клетки питаются энергией.

— Это не значит, что можно не есть.

Он протянул мне банку тушёнки — тёплую, жирную, от-

вратительную. Я взяла. Съела половину, чтобы он отстал. Вкуса не чувствовала — только тяжесть на языке, напоминание о том, что я ещё наполовину человек.

В конце ноября Гари сказал:

— Консервы кончаются. Мне нужно в город.

— Я с тобой.— Нет. Ты слишком заметна. Даже с линзами и париком твой энергетический след они научились читать.

— А твой?

— Я человек, — он усмехнулся. — Меня они не видят.

Я не поверила, ведь знала, что Кейн использует не только тепловизоры — он использует информаторов, старые связи, базы данных. Если Гари попадет в камеру, если его заметят, если кто-то узнает.

— Не рискуй, — сказала я.

— Я похоже тот еще адреналинщик, — он взял рюкзак и вышел в ночь.

Я ждала. Считала минуты, часы, удары сердца. Восемь часов, которые растянулись в вечность. Он вернулся под утро — с мешком продуктов, бензином и новостью, от которой кровь застыла в жилах.

— Кейн знает, где мы, — сказал он, падая на пол. — Не знаю как, но знает. В городе висят наши фотороботы. Новые, с учётом последней маскировки.

— Как они нас вычислили?

— По теплу, — Гари закрыл глаза. — Твоя сила греет воздух в радиусе ста метров. Даже когда ты спишь. Они запусти-

ли спутник с тепловизором высокого разрешения и нашли аномалию, сообщил мой информатор.

Я выругалась. Мысленно, потому что вслух ругаться было некогда.

— Уходим, — сказала я.

— Сейчас.

Мы ехали на запад, к пустыне, где меньше спутников и меньше людей. Гари вёл машину, я спала — не отдыхала, а вырубала сознание, чтобы не сойти с ума от тревоги. Сквозь сон я слышала его дыхание — ровное, спокойное, солдатское и иногда — шёпот.

Он думал, что я не слышу.

— Не дай им забрать себя, Элизабет. Пожалуйста.

Я не отвечала. Ведь делала вид, что сплю.

Пустыня встретила нас ветром и красной пылью. Мы нашли заброшенную метеостанцию — старые вагончики, ржавые мачты, колонка с солёной водой. Здесь, среди песка и одиночества, мы прожили ещё две недели. Их они, две недели относительного покоя. Я тренировалась.

Каждый день, по многу часов, училась контролировать свой энергетический след. Сжимала его до размеров точки, до нуля, до почти полного исчезновения. К концу второй недели я могла становиться невидимой для тепловизоров — ненадолго, на несколько часов, но этого хватало, чтобы спать без страха.

— Ты становишься сильнее, — заметил Гари, глядя, как

я сворачиваю энергию в тугий шар между ладонями.

— Это не сила, — ответила я. — Это моё отчаяние.

— Почему не то и другое?

Я не нашлась, что ответить. В те дни впервые за долгое время мне пришлось задуматься об отце. Не о его пророчествах и символах — о нём самом, о человеке с красной кожей, который когда-то любил маму и оставил её, потому что люди оказались слишком жестокими. Я понимала его теперь. Сама хотела бежать, но не знала как.

— Гари, — спросила я однажды вечером, сидя на ступенях метеостанции и глядя на закат. — Если бы ты мог улететь с другой планеты, ты бы улетел?

Он сел рядом. Долго молчал.

— Раньше — нет, — сказал он наконец. — А теперь — да.

— Почему? — Потому что там ты.

Я повернулась к нему. В его глазах — зелёных, усталых, но живых — горел тот самый огонь, который я видела в первую нашу встречу на выставке. Только теперь он был глубже, тяжелее, взрослее.

— Я не могу взять тебя с собой, — сказала я. — Ты человек. Твой организм не переживёт межзвёздный перелёт.

— Знаю.

— И ты всё равно хочешь остаться со мной?

— Я не хочу остаться, — ответил он. — Я хочу быть с тобой. Здесь, на Земле. Если ты решишь улететь — я приму это. Если решишь остаться — буду рядом. Сколько дадут.

— Немного, — прошептала я. — Они найдут нас. Рано или поздно.

— Тогда будем жить моментом, а позже — позже уже страдать.

Он взял меня за руку и мы сидели так, глядя на звёзды, пока пустыня не остыла и ветер не принёс холод.

Ловушка захлопнулась через три дня. Это случилось утром. Я проснулась от тишины — слишком плотной, слишком неестественной. Птицы не пели. Ветер не шумел. Только песчаная пыль скреблась по стенам вагончика, как мышинные лапки.

— Гари, — позвала я.

Он уже был на ногах, смотрел в окно через щель в ставнях.

— Они здесь, — сказал он. — Восемь человек. Четыре машины. Блокираторы — много. И вертолёт на подходе.

Я подошла к окну. Сквозь щель увидела их — чёрные фигуры на фоне красной земли, автоматы, браслеты на рукавах. Кейн стоял впереди, без каски, с улыбкой.

— Элизабет! — крикнул он. — Выходи! Или мы сожжём это место вместе с тобой!

— Он блефует, — сказал Гари. — Им нужна ты живой.

— Им нужны мои ткани, — поправила я. — Живые или мёртвые — не важно.

Мне пришлось выйти. Гари хотел удержать, но я лишь отмахнулась.

— Не подходи, — сказала я. — Я сама.

— Нет— Это приказ, — я посмотрела ему в глаза.

— В последний раз. Не подходи.

Он остался на месте, а я вышла в пустыню — босиком, в рваной одежде, с растрёпанными рыжими волосами, без линз, без масок. Пусть видят. Пусть знают. Мне больше нечего терять.

— Образец 13-Б, — сказал Кейн, когда я подошла на расстояние выстрела. — Вы арестованы. Именем правительства.

— Убейте меня, — ответила я. — И мою силу развейте по ветру, а без неё вы никогда не получите бессмертия.

Он помрачнел.

— Умная, — сказал он. — Но это не поможет.

Он дал знак. Солдаты нацелили на меня блокираторы — четыре штуки, с разных сторон. Я чувствовала, как сила сжимается, как гаснет свет внутри, как мир становится серым, плоским, мёртвым.

— Бейте! — крикнул Гари из вагончика.

Он стрелял — не из автомата, из старого пистолета, который где-то нашёл. Пули попадали в блокираторы, но те были защищены. Двое солдат побежали к нему.

— Гари, беги! — закричала я.

Он не побежал. Смело вышел из вагончика с поднятыми руками.

— Не стреляйте в неё, — сказал он. — Возьмите меня. Я сын Роберта Эванса. У меня есть информация о других гибридах. Я всё расскажу.

Кейн засмеялся.

— Жалкая попытка, парень. Ты нам не нужен.— Тогда почему я до сих пор жив? — спросил Гари. — Если я не нужен?

Кейн посмотрел на него — долго, внимательно. Потом кивнул солдатам. Они схватили Гари, заломили руки, надели наручники.

— Элизабет, — сказал Кейн. — Если ты не сдашься, твой друг умрёт. Прямо сейчас. Медленно и мучительно.

Я смотрела на Гари. Он улыбался — той самой мальчишеской улыбкой, которая сводила меня с ума не в первый раз.

— Не сдавайся, — прошептал он одними губами.— Стреляйте ублюдки, — сказал Кейн солдатам.

Первый выстрел попал Гари в плечо. Он упал на колени, но не закричал — сжал зубы и молчал, глядя мне в глаза.

— Не сдавайся, — повторил он.

— Перезарядить, — сказал Кейн.

Я сдалась. Не потому, что испугалась. Не потому, что не могла сражаться, а потому что не могла смотреть, как он умирает. Не могла ещё раз пережить то утро, когда мама упала в мои руки.

— Я сдаюсь, — сказала я. — Только не стреляйте в него.

Кейн победно улыбнулся. Та же улыбка, что на свадебных фото отчима.

— Оденьте блокираторы, — приказал он.

Мои руки заковали в браслеты. Сила погасла — не посте-

пенно, а рывком, как будто кто-то выключил свет. Я упала на песок, не в силах держать вес собственного тела. Блокаторы давили на запястья, высасывая остатки энергии.

— А теперь — вашего дружка в машину, — сказал Кейн. — Он тоже пригодится. Как заложник.

— Ты обещал его отпустить, — прошептала я.

— Я соврал, — ответил Кейн. — Как и все люди в твоей жизни. Привыкай.

Меня поволокли к машине. Я оглянулась на Гари — он лежал на земле, с перебитым плечом, бледный, но живой. Он смотрел на меня. Улыбался.

— Верь, — прошептал он. — Я вытащу тебя.

Я не ответила. Меня засунули в фургон без окон. Дверь захлопнулась.

Темнота. Лаборатория. Снова.

Глава 9: Тот, кто ушёл в звёзды

Фургон без окон пах железом и липким все поглощающим страхом. Я сидела на холодном полу, привалившись спиной к стене, и смотрела в темноту. Блокираторы давили на запястья — четыре штуки, по два на каждую руку, — и высасывали силу медленно, мучительно, как пиявки. Я была абсолютно пустой, как вакуум, как выжатый лимон, как та камера сенсорной депривации, только теперь стены двигались, и где-то там, за ними, ехал Гари.

Они везли нас в разные стороны. Я слышала его мысли — не все, блокираторы приглушали восприятие, — но достаточно, чтобы знать: он ещё дышит. Ранен, истекает кровью, но жив и думает обо мне. Не о побеге, не о мести, не о боли — обо мне. «Держись, Элизабет. Я приду».

Я не знала, как он сможет спасти нас. Он был человеком, раненым, безоружным, в руках спецслужб. Но я верила. Потому что вера — это единственное, что оставалось у меня, у которого отняли всё.

Нас везли долго — может быть, сутки, может быть, двое. Я потеряла счёт времени. Иногда фургон останавливался, меня пересаживали, перегружали, перекладывали. Я слышала голоса — Кейна, других офицеров, учёных в белых халатах. Они говорили о моей силе, о цене, о том, сколько миллиардов принесёт им бессмертие, если они научатся его клони-

ровать.

«Образец 13-Б», — повторяли они. «Уникальный гибрид. Бесценный материал». Я была вещью. Снова. Всегда.

В один из переездов — это случилось ночью, на трассе, под дождём — фургон резко затормозил. Послышались крики, выстрелы, звон разбитого стекла. Я не поняла, что произошло, но дверца распахнулась, и я увидела его. Гари стоял в луже света от фар, с пистолетом в руке, с перевязанным плечом, с лицом, залитым кровью — не только своей. Он стрелял не в солдат — в блокираторы. Один за другим. Три выстрела — три мелких взрыва.

Я почувствовала, как сила возвращается — рывками, толчками, как кровь, которая хлынула в пережатую артерию.
— Бежим! — крикнул он.

Мы побежали рука об руку. В лес, в темноту, под ледяной дождь, который размывал следы. Я создала щит — непрочный, дрожащий, но стойкий, чтобы пули отскакивали. Гари бежал рядом, хрипел, спотыкался, но не падал. Он держался за мою руку, и я тащила его, как когда-то маму — только теперь я не опоздаю. Теперь я успею.

— Куда? — спросила я.

— Париж, — ответил он. — Там твой отец. Корабль приземлится через три дня. Я перехватил радиogramму.

— Как ты выбрался?

— У меня были свои люди, — он усмехнулся сквозь боль.
— Не все в спецслужбах продались Кейну.

Мы бежали всю ночь. К утру я сбила ноги в кровь — впервые за много лет. Гари поменял нам машины, документы, маршруты. Он знал систему, как свои пять пальцев, и вёл меня через неё, как лоцман ведёт корабль через рифы.

— Почему ты рискуешь собой? — спросила я, когда мы сидели в придорожном мотеле, заклеивая раны. — Ты мог бы отказаться от меня, сдаться, выжить.

— Потому что без тебя я не хочу выживать, — ответил он. Я не нашлась, что сказать.

Три дня до Парижа. Три дня, которые мы крали у смерти крупица за крупицей. Ехали на поездах, на попутках, на угнанных машинах. Гари менял внешность — брился, красил волосы, надевал очки. Я не менялась — силы были нужны на другое.

Я создавала иллюзии, отводила глаза, скрывала нас от камер и случайных свидетелей. Это изнуряло, но мне нельзя было идти на попятную. В ночь перед прилётом мы остановились на Елисейских полях. Париж спал. Фонари горели жёлтым холодным светом, дождь моросил от стучащих капель, асфальт блестел, как отполированное зеркало.

Мы стояли под аркой, глядя на пустую улицу, и молчали. Завтра здесь приземлится корабль отца. Завтра я улечу.

— Гари, — сказала я.

— М? — он не смотрел на меня.

Смотрел на небо, где среди туч уже угадывался смутный свет — не спутник, не звезда, не самолёт. Что-то другое.

— Ты не можешь полететь со мной.

— Знаю.

— Ты будешь жить на Земле. Один, без меня, а... Я буду жить века.

— Знаю.

— И ты всё равно остаёшься здесь. Со мной.

Он повернулся. Взял моё лицо в ладони — шершавые, тёплые, живые.

— Потому что ты — единственное, что имеет значение, — сказал он. — Не моя жизнь, не моя смерть, не эти годы, которые я прожил до встречи с тобой и проживу без тебя. Только ты.

— Я даже не человек, — прошептала я.

— Ты больше, чем человек, — ответил он. — Ты — моя любимая. Ты — надежда целого мира, хоть и другого. Но для меня ты просто Лизи. Девочка, которая не умеет прощать, но учится.

Он поцеловал меня. Под дождём, на пустой улице, на краю пропасти и в этом поцелуе было всё — прощание, любовь, боль, надежда, отчаяние. Всё, что мы не успели сказать.

— Я не хочу, чтобы ты забыл меня, — сказала я в его губы.

— Это невозможно, глупышка, — ответил он.

Корабль приземлился в два часа ночи. Он был огромным — серебристым, с красными огнями по бортам, с гулом, от которого дрожала земля. Я видела его впервые, но узнала — по форме, по цвету, по энергии, которая исходила от него

волнами. Акабар. Родина отца. Дом, которого у меня никогда не было.

Когда мы приблизились, вокруг корабля уже стояли солдаты. Кейн не спал. Кейн ждал нас, как заядлый охотник.

— Элизабет! — крикнул он из мегафона. — Ты окружена! Сдайся, и твой друг останется жив!

— Не слушай его, — прошептал Гари. — Он всё равно убьёт меня.

— Я не дам ему. — Прошептала я...

— Ты не успеешь, уходи...

Он выступил вперёд. Поднял руки, показывая, что безоружен. Солдаты нацелили на него автоматы.

— Гари, нет! — закричала я.

— Беги, — сказал он, не оборачиваясь. — Беги к кораблю.

— Я не оставлю тебя!

— Ты должна. Ради всех, кто будет жить после нас.

Кейн дал знак. Резкий отчетливый выстрел. Первый — Гари упал на колени. Пуля попала в ногу. Я побежала к нему, но он заслонил меня собой.

— Назад! — крикнул он. — Я прикрою!

— Ты умрёшь!

— Лучше умереть, зная, что ты спаслась, чем жить, зная, что ты в плену.

Второй выстрел гулкой — в плечо. Третий оглушающий — в грудь. Гари упал на асфальт, раскинув руки, как птица, парящая на могучих крыльях.

— Нет! — я упала рядом с ним, прижала руки к его ранам, пытаюсь исцелить. Сила лилась рекой — золотой, тёплой, живой. Но пули были с металлом, который блокировал мою энергию. Я не могла. Я ничего не могла сделать.

— Гари, держись, — шептала я. — Не умирай.

Он открыл глаза — зелёные, усталые, но ясные.

— Элизабет, — произнёс он чуть слышно. — Я ведь обещал, что не предаю тебя. Даже если придётся умереть.

— Не говори так.

— Пришло время. Корабль ждёт. Беги к свободе.

— Я не оставлю тебя.

— Ты должна, — он улыбнулся.

Кровь текла из уголка рта, но он улыбался.

— Там, на Акабаре, тебя ждут. Отец, новый мир, новая жизнь. Ты будешь счастлива.

— Без тебя — нет.

— Будешь, я чувствую это, — он приподнял руку, коснулся моего лица. Пальцы были холодными. — А я всегда буду рядом. В твоих снах, в твоих воспоминаниях. Пока ты помнишь меня — я жив.

— Гари...

— Прощай, моё сокровище.

Он закрыл глаза. Его рука упала на асфальт безвольно. Дыхание остановилось. Сердце — моё, не его — забилось так сильно, что я перестала слышать выстрелы, крики, вой сирен. Только тишина. Бесконечная, холодная, всепоглоща-

ющая, как в камере, в космосе. Как в сердце, из которого вырвали любовь с корнями.

Я сидела на коленях, прижимая его к груди, и не могла дышать. Кровь заливала мои руки, лицо, волосы. Я была вся в крови — его крови, последнем даре, который он мне оставил.

— Гари, — прошептала я, всхлипнув, — Гари, пожалуйста. Не уходи. Я не готова.

Но он уже ушёл. Туда, откуда не возвращаются.

Солдаты приближались. Я чувствовала их страх — они видели разбитую меня, не атаковую, не кричащую, Я просто сидела и смотрела на мёртвое тело единственного человека, который любил меня по-настоящему.

— Образец 13-Б, — сказал Кейн. — Приказ открыть огонь.

Я не слышала его, лишь смотрела на Гари. На его лицо, которое стало спокойным, как у спящего ребёнка. На губы, которые шептали моё имя в последний раз и в этот момент люк корабля открылся. Серебряный трап коснулся земли. В проёме стоял мужчина — высокий, краснокожий, с глазами цвета утреннего неба. Мой отец.

— Дочь моя, — сказал он ласково. — Идём. Пора.

— Я не могу, — ответила я. — Он умер из-за меня.

— Он умер, чтобы ты жила. Не предавай его жертву.

Я поднялась на ватные ноги. Но прежде, взяла Гари за руку — холодную, неподвижную. Поцеловала его лоб.

— Я никогда не забуду тебя, — прошептала я. — Обещаю.

Потом развернулась и пошла к кораблю. Сквозь строй солдат, которые не стреляли — потому что не могли. Моя сила, проснувшаяся от боли, создала вокруг меня кокон из чистого золотого света. Пули падали, не долетев до цели. Блокираторы плавилась на расстоянии. Кейн кричал, но я не слышала. Просто взошла на трап. Люк закрылся за моей спиной.

Внутри корабля было тепло, пахло специями и чем-то далёким, звёздным. Отец обнял меня — впервые в моей жизни. Его руки были сильными, как корни старого дерева.

— Ты свободна, малышка, — сказал он.

— Я выпотрошена внутри, — ответила я.

Отец не спорил. Он увёл меня в каюту, уложил на койку, укрыл одеялом.

— Спи, сон лучшее лекарство от разбитого сердца — сказал он, добавив, — Полёт будет долгим. Два месяца. Ты успеешь оплакать его, я успею рассказать тебе о доме.

— У меня нет дома.

— Теперь будет, маленькая моя.

Я закрыла глаза. В последний раз я видела не звёзды — его лицо. Зелёные глаза, мальчишескую улыбку, кровь на губах.

— Гарри... — прошептала я в темноту.

Ответа не было. Корабль оторвался от Земли. Двигатели загудели, перегрузка вжала меня в койку. Я не сопротивля-

лась. Плыла в пустоте, как когда-то на качелях в детстве, только теперь некому было ловить меня внизу. Теперь была одна. Совсем одна.

Но где-то там, в золотом свечении, которое осталось от его поцелуя, я чувствовала — не всё потеряно. Он обещал быть рядом во снах и мне верилось в эту иллюзию. Потому что вера — это единственное, что остаётся, когда любовь умирает, а сердце продолжает биться.

Глава 10: Звёздный час одиночества

Корабль назывался «Исход». Отец сказал, что это имя носил первый корабль, покинувший Акабар тысячу лет назад, когда начались войны между расами. Тот «Исход» сгорел в атмосфере, но его дух, говорят акабарцы, перерождается в каждом новом корабле, несущем надежду.

— Твой корабль — надежда? — спросила я, сидя в обсерватории и глядя на звёзды, которые текли за иллюминатором, как русло непоколебимой реки.

— Твой, — ответил отец. — Я строил его для тебя.

— Спасибо, — Шепнула я, вновь пропадая в спальне.

Два месяца. Восемь недель. Пятьдесят шесть дней, которые я должна была провести в металлической капсуле, летящей сквозь пустоту с единственной живой душой, которая меня понимала. Я не знала тогда, что полёт станет не путешествием — чистилищем.

Первые дни я не выходила из каюты.

Плакала. Не рыдала — слёз не было, только сухие спазмы горла, только тяжесть в груди, как будто кто-то положил камень на сердце. Я лежала на койке, сжавшись в комок, и смотрела в стену. Стена была серой, металлической, с мелкими царапинами — предыдущий пассажир, наверное, ног-

ти затачивал её от отчаяния.

Отец стучал. Я не отвечала. Он входил без стука, приносил еду — незнакомую, в пакетах, с маркировкой на чужом языке. Я не ела. Он убирал тарелки, садился на край койки, гладил меня по голове. Его руки были большими, красными, с тёмными линиями на ладонях — линии судьбы, как он сказал потом. У акабарцев их три, а у людей — одна. У меня было две. Ничья.

— Ты будешь тосковать по нему, — сказал он однажды. — Это нормально. Но ты не должна умирать от потери. Он отдал жизнь, чтобы ты жила долго и счастливо.

— Я не просила его об этом, — ответила я в подушку.

— Он и не спрашивал. Такова любовь, дочь моя. Она не спрашивает разрешения. Она приходит и забирает тебя целиком.

Я замолчала. Он ушёл. Мне пришлось остаться одной со звёздами за стеной и именем, которое не могла забыть.

На десятый день я вышла из каюты.

Корабль был большим — три яруса, трюм, кают-компания, медицинский отсек, командный мостик. Я бродила по коридорам, как призрак, в белой робе, которую мне выдал отец, босиком, с распущенными рыжими волосами, которые уже отросли до пояса. Экипаж — семеро мужчин и две женщины — сторонился меня, но не из страха. Из уважения. Они знали, кто я. Они видели, что потеряла кого-то важного.

— Капитан, — сказал один из них, механик с алой кожей

и жёлтыми глазами, поклонившись, когда я проходила мимо.

— Я не капитан, — ответила я.

— Ты дочь капитана, а значит, наша госпожа.

Я не стала спорить. Мне было всё равно.

На мостике впервые также увидела, как выглядит межзвёздное пространство без прикрас. Не чёрное — глубокое, бархатное, с бесконечными точками света, которые не мерцали, как с Земли, а горели ровно, холодно, вечно. Отец стоял у пульта, вглядываясь в голограммы. Рядом с ним — навигатор, женщина с розоватой-красной кожей и белыми волосами.

— Лизара, покинь нас, — сказал отец.

Она кивнула и вышла.

— Садись, — он указал на кресло у иллюминатора.

Я села. Звёзды приближались и удалялись, корабль шёл на крейсерской скорости.

— Расскажи мне о нём, — попросил отец. — О Гари.

— Зачем?

— Чтобы я знал, кому обязан жизнью дочери.

Я молчала долго. Потом заговорила — отрывисто, глухо, как выплёвывала комок мела из горла, закашливаясь и давясь этими словами.

— Он был сыном человека, который продал меня в лабораторию. Ненавидел отца. Искал меня, чтобы искупить его вину. Нашёл. Полюбил. Не знаю, за что. Я была колючей, как ёж. Всё время бежала, пряталась, врала.

— А он?

— Он ждал. Просто ждал. Не давил, не требовал. Был рядом, когда просыпалась с криком. Держал за руку, когда плакала. Готовил чёрный омлет и называл это истинным искусством.

Отец улыбнулся.

— Он был хорошим человеком?

— Он был моим человеком, — ответила я. — Со всеми слабостями. Иногда Гари ревновал, грубил, боялся. Но он не предал. Даже когда представилась возможность.

— Этого достаточно, — сказал отец. — Чтобы называть его героем.

Мы замолчали. Звёзды текли за стеклом, как бесконечная река.

— Я хочу увидеть Акабар, — сказала я.

— Увидишь. Через семь недель.

— Слишком долго.

— Полёт всегда долог, когда летишь к дому, которого не знаешь.

Он не ошибся.

Следующие недели стали временем странного привыкания.

Я ела с экипажем — незнакомая пища, похожая на желе и пахнущая травами. Я училась говорить на акабарском — гортанном языке, где каждое слово имело три оттенка значения: прямой, скрытый и сакральный. Я запоминала имена

членов команды: механик Ран, навигатор Лизара, врач Элиан, помощник капитана Варг. Все они были краснокожими, как отец, но оттенки различались — от терракотового до малинового, в зависимости от того, какой расы предки.

— Мы все дети одного солнца, — объяснял отец. — Но разные ветви. Красные — дети земли. Зелёные — дети лесов. Голубые — дети воды. Белые — дети воздуха. И жёлтые — дети огня. Жёлтых почти не осталось, они вымерли в последнюю войну.

— А я? — спросила я. — Я чья?

— Ты — особенная, — он посмотрел мне в глаза. — Твоя сила, дочь моя, — это синтез. Ты можешь исцелять, как зелёные. Управлять стихиями, как голубые. Создавать иллюзии, как белые. Зажигать огонь, как жёлтые. И читать мысли, как красные. Ты — Созидательница. Та, кто может объединить расы. Прервать войны...

— Я не хочу никого объединять, — ответила я. — Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Ты получишь покой, — сказал он. — Но сначала — спасешь мир. Такова легенда.

Ночью, когда корабль затихал и экипаж уходил в камеры регенерации, они не спали, как люди — они впадали в транс, похожий на смерть, я сидела в обсерватории одна. Звёзды напоминали мне Землю. Не город, не дом, не лабораторию — Гари. Как он смотрел на небо в ту ночь на пустынной дороге, когда мы ехали к Парижу.

«Смотри, Элизабет, — сказал он тогда, указывая на Млечный Путь. — Это ты. Миллиарды звёзд, каждая особенная, а вместе — идеальная вселенная».

«Я не вселенная и не идеальная, — ответила я. — Лишь ошибка природы».

«Ты ошибка, которую я готов совершать до конца своих дней».

Я закрыла глаза. В темноте обсерватории мне почудился его голос — шёпотом, как дуновение ветра. «Не плачь. Я здесь».

Я открыла глаза. Никого.

Только звёзды. Бесконечные, равнодушные, чужие.

На двадцать пятый день я впервые увидела во сне не лабораторию — поле.

Зелёное, бескрайнее, с красным небом. Надо мной сияли три солнца — голубое, зелёное и белое — и от них не было жарко, а было тепло, как от печки в деревенском доме. Вдалеке, у горизонта, стоял силуэт. Мужской. Высокий. Я побежала к нему, но расстояние не сокращалось.

— Гари! — крикнула я.

Силуэт обернулся. Это был не он. Это был отец — молодой, с чёрными волосами и горящими глазами.

— Твоя душа учится отпускать, — сказал он. — Это больно. Но необходимо.

— Я не хочу отпускать.

— Придётся. Он заслужил, чтобы его помнили с улыбкой,

а не со слезами.

Я проснулась в слезах. Но впервые за долгое время — боль отступила.

Врач Элиан была терпеливой. Она приходила ко мне каждый день, измеряла давление, брала анализы, проверяла реакцию зрачков. Я знала, что отец волнуется — моя сила после гибели Гари вела себя странно. То пропадала совсем, то вырывалась наружу, плавя стены.

— Твои эмоции блокируют дар, — объяснила Элиан, глядя на мои руки, из которых слабо струился золотой свет. — Печаль — это пробка. Чем сильнее ты грустишь, тем меньше энергии может пройти.

— А если я разозлюсь?

— Тогда пробку вырвет и ты можешь разнесёшь корабль на частицы или атомы.

Я улыбнулась. Первый раз за полёт.

— Разнести корабль — это плохо?

— Очень плохо, — серьёзно ответила Элиан. — У нас нет запасного.

Мы обе рассмеялись. Коротко, нервно, но искренне.

С того дня я начала выходить из себя. Не сразу, не резко — как ледник, который тает по краям по миллиметру. Я помогала на камбузе — резала местные овощи, пахнущие мятой и перцем. Училась управлять системами корабля — отец настаивал, что капитан должен знать каждую заклёпку. Читала историю Акабара — голографические свитки, которые

разворачивались при касании и шелестели, как настоящая бумага.

Я узнала, что планета, куда я лечу, была когда-то единой. Один мир, одно солнце, один народ. Потом пришёл Разрыв — катастрофа, расколовшая реальность на пять слоёв. Каждый слой получил своё солнце, свою стихию, своих богов. И люди, как их обозначила я сама, — те, кто выжил — разделились на расы, научились ненавидеть друг друга за цвет кожи и силу.

— Война длится тысячу лет, — рассказывал отец. — Каждые пять лет, когда поднимается белое солнце и наши силы исчезают, мы выходим на равнину и режем друг друга. Для чего — никто не помнит. Просто таков обычай.

— И ты хочешь, чтобы я это прекратила?

— Я хочу, чтобы у тебя был дом, где тебя не будут преследовать, где будет мир и процветание.

— Дом не прекращающаяся война, — ответила я.

— Всё поправимо. Ведь человек имея дом, свой оплот безопасности, воюет иначе, чем бродяга. У него есть что терять.

На сороковой день я впервые спросила о пророчестве.

Отец нехотя достал старый свиток — жёлтый, потёртый, с печатью в виде круга, разделённого на три части. Я узнала этот символ — он мерещился мне во снах с детства.

— Когда-то, в начале времён, жила женщина. Её звали Акабара. Она была первой Созидательницей. Она расколо-

ла мир, чтобы спасти его от чумы, и умерла, разорванная на части. Перед смертью великая сказала: «Придёт та, кто соберёт мои осколки. Она будет рождена от двух миров. Будет носить в себе все цвета. Остановит войну или начнёт новую — зависит не от неё, от тех, кто её окружает».

— И ты думаешь, это я?

— Я знаю, так говорит мне сердце, — отец посмотрел мне в глаза. — Когда только встретил твою мать, мне было видение. Река золотого света, текущая из её чрева. Я понял, что ребёнок, которого она носит, будет не просто нашим малышом — будет ключом к спасению миров.

— Но ты оставил её одну, — сказала я с горечью. — Улетел. Бросил в тягостном ожидании чуда.

— Я должен был защитить вас, — его голос дрогнул. — Если бы правительство Земли узнало, что я — инопланетный агент, нас бы убили. Всех. Тебя, её, меня. Я улетел, чтобы выжили вы.

— Она не выжила, а меня пытали с самого детства!

— Ты жива, моя малышка. — он взял мою руку. — Сидишь прямо передо мной и это главное.

Я не ответила. Просто вышла из каюты, поднялась в обсерваторию и долго смотрела на звёзды. Они не давали ответов. Но они давали тишину, а тишина — это первая ступень к исцелению.

На пятьдесят пятый день я проснулась с улыбкой.

Не помню, что мне снилось. Что-то тёплое, зелёное, с за-

пахом яблок и мёда. Я лежала в койке и чувствовала, как внутри, там, где была пустота, пробивается слабый росток света. Не радость — крупица надежды. Маленькая, хрупкая, как стебель травы воинственно проклюнувшийся сквозь асфальт.

— Гари, — прошептала я. — Я справлюсь. Обещаю.

В иллюминаторе уже не было звёзд — только густая синева. Мы входили в атмосферу Акабара.

Отец объявил по громкой связи:

— Приготовиться к посадке. Через час мы будем дома.

Я оделась в платье, которое приготовила Лизара — длинное, красное, с вышивкой золотыми нитями. Расчесала волосы, заплела косу. Надела на запястье браслет, который дал отец — не блокиратор, а символ рода. Он был тёплым и тихо вибрировал, как живой.

В обсерваторию вошёл отец. Посмотрел на меня — долго, с грустью и гордостью.

— Ты похожа на неё, — сказал он. — Та же улыбку. Те же глаза.

— Она говорила, что я похожа на тебя, — ответила я.

Отец обнял меня. Сильно, как будто в первый раз.

— Добро пожаловать домой, дочь моя.

Корабль дрогнул, загудел, и я почувствовала, как тяжесть возвращается — та, земная, привычная. Мы сели быстро, скользя по барханам. Люк открылся. Я шагнула в новый мир — одна, но уже не совсем одинокая.

Сзади остались звёзды, боль, Гари.

Впереди ждала — неизвестность, и я была готова встретить её. Потому что он хотел бы, чтобы я была сильной.

И я буду.

Это мой долг...

Глава 11: Красная земля, Алое небо

Шаг с трапа — и мир перестал быть прежним. Я ступила на грунт Акабара, и первое, что почувствовала — тепло. Не зной, не жар, а глубокое, ровное тепло, будто сама планета дышала со мной в такт, согревая ноги от самых пальцев до бёдер, как мать согревает ладони ребёнка перед сном.

Земля под босыми ступнями была красной — не кирпичной, не терракотовой, а живой, пульсирующей, с мелкими золотистыми вкраплениями, похожими на песчинки из расплавленного света. Я подняла голову. Небо над Акабаром было не голубым — багряным, с прожилками оранжевого у горизонта. По нему плыли облака, но не белые, а лиловые, плотные, как дым от благовоний. Завершали футуристичный пейзаж — три солнца. Голубое висело низко над западными горами, большое, бледное, почти прозрачное. Зелёное — в зените, маленькое, яркое, с пульсирующими краями, как живое сердце и белое — на востоке, почти невидимое, но я чувствовала его тяжесть: оно давило на затылок, вызывало лёгкую головную боль.

— Три солнца, — прошептала я.

— Три бога, — поправил отец, спускаясь по трапу следом.

— Голубой — бог воды, дарует память. Зелёный — бог леса,

дарует жизнь. Белый — бог воздуха, дарует смерть.

— А красного нет?

— Красное солнце было съедено при Разрыве, — ответил он. — Вместо него нам осталась земля. Мы — дети почвы, дочь моя. Наша сила — в крови.

Я опустила взгляд. Вокруг расстилалась равнина — гладкая, как стекло, с редкими кустами, усыпанными алыми ягодами, и высокими травами, которые шевелились без ветра.

Вдали, километрах в пяти, виднелся город — не похожий ни на один земной. Его стены были сложены из какого-то чёрного камня, блестящего, как обсидиан, а за ними вздымались башни, спиральные, сужающиеся кверху, с окнами-каплями, в которых мерцал зелёный свет.

— Крепость Кар-Тар, — сказал отец. — Столица красной расы. Твой новый дом.

— Как долго мы здесь пробудем?

— Всю жизнь, если захочешь.

Я не ответила. Жизнь казалась слишком длинной, чтобы планировать её наперёд. Из корабля выгружались члены экипажа, несли ящики с оборудованием, контейнеры с образцами.

Я отошла в сторону, чтобы не мешать, и в этот момент увидела их. На краю посадочной площадки стояла группа людей — краснокожих, высоких, в длинных одеждах, расшитых золотыми нитями. Впереди — женщина с жёлтыми волосами, заплетёнными в сложную косу, и зелёными глазами,

которые смотрели на меня с любопытством и настороженностью. Рядом с ней двое мальчишек лет двенадцати-тринадцати, с такими же зелёными глазами и чёрными волосами, и девушка чуть старше меня — лет двадцати, с огненно-рыжими волосами, как у меня, и золотистыми глазами.

— Твоя тётя Рея, — голос отца прозвучал тихо, почти шепотом. — Сестра моей матери. Её муж Горк — они сейчас в городе, готовят пир, а это их дети. Луара и близнецы, Вар и Варт.

— Близнецы? — переспросила я.

— Они неразличимы даже для нас, — отец усмехнулся. — Придётся запоминать по шрамам.

Женщина — Рея — ступила вперёд, и я впервые увидела, как двигаются акабарцы. Плавно, почти текуче, как будто они не шли, а скользили над землёй. Она остановилась в двух шагах, посмотрела на меня снизу вверх, я была ниже на голову, и улыбнулась.

— Элизабет, — сказала она. Голос низкий, с вибрацией, как у отца. — Мы ждали тебя. Твой отец говорил о тебе всё время. Каждый день. Каждую ночь.

— Здравствуйте, — ответила я, не зная, как положено приветствовать старших на Акабаре.

Рея шагнула ближе и обняла меня. Жест был неожиданным — я не любила прикосновений, не доверяла этой женщине. Её руки были тёплыми, пахли древесной корой и молоком, и я не посмела отстраниться.

— Ты так худая совсем, — сказала она, отодвигаясь. — И такая бледная. Как цветок, который вырос в подвале. Мы тебя откормим.

— Я не голодна.

— Будешь есть за троих, — Рея взяла меня за руку и потянула за собой. — Идём. Город ждёт.

Близнецы уставились на меня, как на диковинного зверя. Один — тот, что левее — дотронулся до моих волос, спросил:

— Они настоящие? У нас таких нет.

— Отстань, Вар, — сказала девушка — Луара — и оттолкнула брата.

Она подошла ко мне ближе, чем Рея. Её золотистые глаза впились в мои светло-голубые.

— Ты та самая Созидательница?

— Я просто Элизабет, — ответила я.

— Просто Элизабет не едет через всю вселенную на корабле отца, — она улыбнулась.

Улыбка была открытой, почти мальчишеской.

— Пойдём, я покажу тебе город.

Мы пошли к стенам. Город оказался больше, чем казалось издали. Внутри чёрных стен кипела жизнь. Улицы были вымощены красной плиткой, по краям — каналы с оранжевой водой, быстротекущей, пахнувшей солью и чем-то сладким. Дома лепились друг на друга, с плоскими крышами, на которых сушились ткани и лежали дети. В воздухе висели за-

пахи — специй, жареного мяса, цветов, каких-то фруктов, напоминающих дыни, но с кислым привкусом.

— Это рынок, — пояснила Луара, ведя меня за руку. — Здесь торгуют всем, от овощей до оружия. Вон там, в синей палатке — лучшие лекари города. Напротив — кузнецы, они делают мечи, которые режут даже твердую кожу голубой расы.

— А что там, в конце улицы? — спросила я, показывая на высокие ступени, ведущие к зданию из белого камня.

— Дворец. Там живёт правитель. Сейчас это старик Лоркан, но он болен. Говорят, скоро передаст власть своему внуку.

— Какому внуку?

— Картеру, — Луара произнесла имя с каким-то особым придыханием. — Он красивый. Но злой.

— Злой?

— Он не позволяет себе чувствовать, — она пожала плечами. — У него отец погиб на войне, мать умерла от тоски. Он закрылся. Но его все равно любят.

— За что?— За силу. Он — лучший воин среди красных, и умный. И — я уже говорила — красивый.

Я не стала спрашивать дальше. Мне не нужен был ни красивый, ни сильный, ни умный. Мне нужен был тот, кто остался на Земле, под дождём, с пулей в груди.

Мы подошли к дому Реи. Он стоял в конце тихой улицы, окружённый садом, в котором росли деревья с золотистыми

листьями и фиолетовыми стволами.

— Это твой дом, — сказала Луара. — На время.

— На какое время?

— Пока не выберут невест.

У меня похолодели руки.

— Каких невест?

— Ты не знаешь? — Луара удивлённо подняла брови.

— Через месяц будет обряд. Все девушки правящих домов приходят во дворец, и принц Картер выбирает себе жену. Ты — из нашего дома и будешь участвовать.

— Я не хочу участвовать, — сказала я.

— Не хочешь, но будешь, — голос Луары стал серьёзным.

— Если ты — Созидательница, то должна быть рядом с правителем. Это закон.

Я не ответила, просто вошла в дом и поднялась в комнату, которую мне выделили — светлую, с большим окном, выходящим в сад. Села на край кровати, обхватила колени руками.

Земля. Лаборатория. Побег. Мама. Гари и теперь — обряд невест, принц, новый мир, новая клетка.

— Ты обещал, что здесь я буду свободна, — прошептала я в потолок. — Ты врал, отец. Как все до тебя...

Первые дни прошли в суете. Я знакомилась с домом — с его жителями, правилами, секретами. Рея оказалась замечательной хозяйкой: она пекла хлеб, который пах мёдом и травами, знала каждого соседа в лицо и помнила, у кого какой

праздник.

Близнецы, Вар и Варт, были неразлучны и неразличимы — они передразнивали меня, таскали мои вещи, пытались заговорить на своём языке, который я пока не понимала. Луара стала моей тенью — она показывала город, учила акабарскому, рассказывала о расах и их обычаях.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я её на третий день, когда мы сидели на крыше дома и смотрели на закат. Солнц было три, и закат длился долго, переливаясь всеми цветами — от золотого до тёмно-фиолетового.

— Потому что ты моя сестра, — ответила Луара просто. — Не по крови, но по духу. Мы обе чужие в этом мире. Ты — потому что прилетела с Земли. Я — потому что моя мать была из зелёной расы, а отец из красной. Нас не любят.

— Я не замечала.

— Ты не замечала, потому что ты Созидательница, да и не видишь разницу. Другин меня просто терпят.

Она замолчала. В её золотистых глазах мелькнула грусть — такая глубокая, что я узнала её.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказала я. — Быть не такой, как все. Каждую минуту страшиться.

— Знаешь, — она кивнула. — Поэтому я рядом с тобой.

Мы просидели до темноты, пока не зажглись уличные фонари — зелёные шары, парящие в воздухе, как светлячки.

Обряд невест приближался.

Каждый день Рея приносила мне новости: кто из девушек

уже прибыл во дворец, какие дары прислал принц каждой из претенденток, сколько слуг готовят покои. Я слушала вполуха, глядя в окно на золотые листья.

— Ты должна готовиться, — сказала Рея, увидев моё безразличие. — Пять испытаний. Ловкость, сила разума, знание традиций, искусство танца и бой.

— Бой?

— Претендентки сражаются друг с другом. Не насмерть, но до потери сознания. Сильная покажет свой дар. Слабая уйдёт ни с чем.

— А если я не хочу быть сильной?

— Тогда принц выберет другую. Но ты не сможешь отказаться, если он выберет тебя.

— А я откажусь, — сказала я.

Рея посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты не знаешь Картера, — тихо сказала она. — Он не принимает отказов.

— Значит, он нарцисс, — ответила я. — Таких я ненавижу больше всего.

Рея вздохнула. Она хотела добавить что-то ещё, но я встала и вышла. В саду пахло ночью и цветами. Я села под деревом и закрыла глаза.

— Гари, — прошептала я. — Что мне делать? Я не хочу никого другого.

В ответ раздался — только тихий ветер. Да горящие далёкие звёзды, которые не могли говорить, лишь сиять своим

обжигаяще ледянным светом.

За неделю до обряда я получила послание от отца. Он жил во дворце — по статусу генерала ему полагались покои рядом с правителем. Мы виделись редко — он был занят подготовкой к церемонии, а я избегала его, всё ещё злясь за то, что не предупредил об обряде.

Послание было голографическим — маленький шар, который развернулся в лицо отца, когда я коснулась его.

— Дочь моя, — сказал он. — Я знаю, ты сердишься. Я должен был сказать раньше. Но боялся, что ты не прилетишь.

— И правильно боялся, — ответила я пустоте.

— Картер — не чудовище, — продолжил отец. — Он потерял родителей, как ты. Он закрылся от мира, подобно тебе. Он нуждается в любви, не меньше тебя. Если вы найдёте смысл друг в друге — это будет хорошо для всех нас. Если нет — я не буду настаивать. Но ты должна пройти испытания. Ради семьи.

— Ради семьи я уже проходила испытания, — сказала я.

— В лаборатории.

Отец помолчал. Его лицо на голограмме стало печальным.

— Прости меня, — сказал он. — Я не смог защитить тебя тогда. Но теперь — смогу.

— Ты не сможешь, — ответила я. — Никто не может. Я должна единолично за себя постоять.

Я выключила шар. Легла на кровать и долго смотрела в потолок, на котором слабо светились золотые разводы — остат-

ки моей силы, которая просачивалась сквозь сны.

Ночь перед обрядом мне приснился Гари. Он стоял на зелёном поле, под красным небом, в белой рубашке, без крови, без ран. Улыбался.

— Ты здесь? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — Ты здесь, а я лишь — в твоих воспоминаниях.

— Я скучаю.

— Знаю. Но ты должна идти дальше. Не ради меня — ради себя.

— Я не хочу идти дальше.

— Придётся, — он шагнул ко мне, коснулся моего лица — я почувствовала тепло, почти настоящее. — Обещаю, я всегда буду рядом. В твоём сердце. В твоей силе. Каждый раз, когда ты будешь создавать что-то новое — это буду я.

— Не уходи, — прошептала я.

— Не ухожу, — сказал он. — Я просто переселяюсь в тебя. Навсегда. Становясь с тобой елиным целым...

Я проснулась с мокрым лицом. На подушке лежал золотой лепесток — не от земного цветка, от акабарского. Маленький, светящийся, похожий на звезду. Я взяла его и спрятала на груди.

— Спасибо, — прошептала я в темноту. Ответа не было.

Но я знала — он слышал.

Глава 12: Танец пяти огней

Дворец встретил меня тишиной. Не той, что в лаборатории — давящей, враждебной, — а спокойной, торжественной, как в соборе перед службой. Мы шли по длинному коридору с высокими арками, сквозь которые лился зеленоватый свет — это светило полуденное солнце, то, что дарует жизнь.

Луара вела меня за руку, близнецы бежали впереди, их чёрные кудри подпрыгивали в такт шагам. Рея замыкала шествие, вся в белых одеждах, с венком из золотых листьев на голове — знак того, что наш дом участвует в обряде.

— Ты волнуешься? — спросила Луара, не оборачиваясь.

— Нет, — ответила я. — Мне всё равно.

— Врёшь.

— Может быть.

Я и правда не знала, что чувствую. Внутри была пустота, которую не заполнили ни недели полёта, ни разговоры с отцом, ни тепло акабарской земли. Гари умер, и часть меня умерла вместе с ним. Оставшаяся часть была слишком усталой, чтобы волноваться из-за какого-то принца.

Ты должна идти дальше, — сказал он во сне. Но «должна» и «могу» — разные вещи.

Мы вошли в зал. Он был огромным — больше футбольного поля, с колоннами из чёрного камня, уходящими в тем-

ноту под куполом. Пол выложен красной плиткой, на которой горели золотые узоры — спирали, круги, символы, которых я не понимала.

Вдоль стен — ярусы для зрителей, заполненные акабарцами в пёстрых одеждах. Они шумели, переговаривались, указывали на нас пальцами. Я чувствовала их взгляды — любопытные, оценивающие, иногда враждебные.

В центре зала, на возвышении, стояло пять тронов. Три пустых. Два занятых. На одном — старик с кожей цвета старой бронзы, в чёрном плаще, с длинной седой бородой. Правитель Лоркан. Он смотрел на происходящее мутными глазами, и я читала его мысли — слабые, путанные, как старая плёнка. Болен. Скоро умрёт.

На другом троне — он. Я узнала его сразу, хотя не видела никогда. Картер. Принц красной расы. Он не был похож на свои описания — ни красивый, ни злой, ни холодный. Он был напряжённым. Как струна перед разрывом. Высокий, даже выше отца, с кожей тёмно-красной, почти бордовой, с чёрными волосами, собранными в низкий хвост, и глазами цвета фиалки — глубокими, горящими, но не от жизни, от лихорадки.

Он сидел, выпрямив спину, положив руки на подлокотники, и смотрел прямо перед собой — не на претенденток, не на зрителей, в пустоту.

— Каменное лицо, — прошептала Луара. — Он всегда такой неотразимый.

— И люди хотят за него замуж?

— Люди хотят стать правительницами, — ответила она.

— Принц — просто ступенька на пути к безграничной власти.

Я отвернулась. Мне не нужны были ни ступеньки, ни короны.

Нас провели на специальную трибуну, где уже сидели другие девушки. Семь. Все разные — цвет кожи от светло-розового до тёмно-вишнёвого, волосы от белого до синего, глаза от жёлтого до зелёного. Каждая была красива по-своему, и каждая смотрела на принца с надеждой. Кроме меня.

— Претендентки, — объявил глашатай, крупный мужчина с голосом, от которого дрожали колонны. — Приветствуйте людей Акабара!

Девушки поклонились. Я не поклонилась, лишь стояла прямо, глядя на принца в упор, и впервые за долгое время почувствовала не пустоту — вызов.

Не смотри на него как на врага, — пронеслось в голове. Не надо. Ты здесь временно.

Но он уже заметил меня. Его фиолетовые глаза скользнули по моему лицу, задержались на рыжих волосах, на голубых глазах, на белой коже — чужой среди красных.

— Эта кто? — спросил он у советника, сидевшего рядом. Его голос был низким, без интонаций.

— Элизабет, дочь генерала Ка-Тара. Гибрид. Прибыла с Земли.

— Интересная, — сказал принц и замолк.

Первое испытание — знание традиций. Нас отвели в отдельную комнату, где стояли семь столов, на каждом — свиток и перо. Вопросы были на акабарском, я читала медленно, но понимала. Отец готовил меня в полёте. Я отвечала о богах, о войнах, о пяти расах, о значении цветов. Писала ровно, спокойно, не стараясь выделиться. Закончила одной из первых, отдала свиток судье и вышла.

В коридоре стоял принц. Не ждал меня — просто курил тонкую трубку, пуская клубы сизого дыма. Увидел меня, кивнул.

— Как выглядит Земля? — спросил он.

— Голубая, — ответила я. — Очень.

— Слышал, ты была в лаборатории.

— Люди жестоки.

— А ты не сломалась?!

Я посмотрела на него в упор.

— Я сломалась. Но собралась заново. Не для того, чтобы быть королевой.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Хороший ответ. Редко я слышу такой поямой отказ.

Мужчина ушёл, оставив меня в коридоре одну. Дым от его трубки висел в воздухе, пахнувший горькими травами. Я задержала дыхание — не хотела вдыхать его запах. Но он всё равно проник в лёгкие.

Второе испытание — демонстрация силы. Мы вышли на

арену, окружённую зрителями. Девушки показывали свои дары — одна создавала огненные шары, другая поднимала камни, третья управляла ветром. Зрители аплодировали, судьи записывали. Я стояла последней. Надо было что-то сделать, но мне не хотелось показывать всё на что способна.,

Сила Созидательницы — это не фокусы для толпы. Это то, что соединяет миры. Я решила сделать минимум — зажечь слабый свет на ладони и потушить.

— Не надо, — сказал голос за спиной. Я обернулась. Картер стоял в тени колонны, скрестив руки на груди.

— Почему? — спросила я.

— Потому что я не слепой. Я знаю, кто ты. И если ты покажешь слабость, другие претендентки растерзают тебя. Не на арене — в коридорах. Женщины здесь злее, чем мужчины.

— А вы, принц, зачем предупреждаете меня? Бойтесь, что я проиграю и не достанусь вам?

Он не ответил. Только посмотрел долгим взглядом — таким, от которого хотелось спрятаться. Не от страха — от неловкости.

Я вышла на арену. Встала в центр. Закрыла глаза. Вспомнила Гари. Как он улыбался в последний раз. Как держал меня за руку в той проклятой машине. Как говорил: «Ты можешь всё». Я могла. Но не хотела. Огонь вспыхнул сам — не на ладони, в сердце. Он вырвался из моей груди, золотой, горячий, и разлетелся на пять лепестков. Красный, зелёный,

синий, белый, жёлтый. Они закружились надо мной, как живые, освещая арену ярче, чем три солнца. Зрители ахнули. Судьи вскочили с мест. Девушки побледнели.

Подняла руку — лепестки послушно сложились в один большой цветок, пульсирующий, дышащий. Я опустила руку — цветок рассыпался искрами. Тишина. Потом — аплодисменты. Громкие, искренние, испуганные. Я не смотрела на зрителей, смотрела на принца. Он стоял в тени колонны, неподвижно, с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул. Но его мысли кричали: «Она. Та, кого я ждал. Та, кого боялся». Я отвернулась.

Третье испытание — бой. Девушки выходили парами сражаться не на жизнь, на показ ради потехи толпы. Нельзя убивать, но можно калечить. Я наблюдала, как они мечут молнии, поднимают волны, управляют растениями. Двое выбыли с переломами, одну унесли без сознания.

Моей соперницей оказалась девушка с белыми волосами и голубыми глазами — из северного клана, которая могла замораживать пространство. Она смотрела на меня с ненавистью.

— Ты не достойна стоять с нами здесь, — сказала она. — Ты — чужая.

— Я и не стою, — ответила я. — Я просто выполняю обязательства.

Бой начался. Она атаковала сразу — волна холода, от которой побелел пол. Я не стала уклоняться. Создала вокруг

себя кокон из тепла — просто чтобы не замерзнуть. Она злилась, усиливала атаки, леденец покрыл всю арену. Я стояла в своём коконе и ждала.

— Дерись! — крикнула она.

— Зачем? — спросила я. — Ты хочешь победить? Побейдай.

Я шагнула к ней, разрывая кокон. Холод ударил в лицо, но я не чувствовала его — мой дар растворял мороз. Она запаниковала, бросилась на меня с кинжалом. Я поймала её руку, легко, как ребёнка, заломила за спину.

— Сдавайся, — сказала я.

— Никогда!

Я вздохнула, разжала пальцы, отпустила.

— Твоя взяла, — сказала я и вышла с арены.

Судьи переглянулись. Она растерянно смотрела мне вслед. А принц — Картер — снова улыбнулся. Так же коротко, без радости. Но в уголках его губ что-то дрогнуло.

— Почему ты сдалась? — спросил он меня позже, в коридоре.

— Потому что не хочу быть невестой, — ответила я. — Вы мне не нужны.

— А кто нужен?

— Тот, кто умер на земле ради того чтобы я жила.

Он замолчал. В его фиолетовых глазах я увидела тень — потерю, которую он носил в себе. Похожую на мою.

— Прости, мне мою настойчивость, — сказал он. — Я

понимаю какого это.

— Не надо, я об этом не просила — ответила я. — Просто оставь меня в покое.

— Не могу, — он шагнул ближе. — Ты прошла два испытания. Осталось ещё два. Даже если сдашься в бою, все видели что ты сильнее других. Судьи увидят это, они мудры.

— Я просто хочу уйти.

— Уходи. Но запомни: я не принуждаю тебя. Если ты откажешься быть моей женой — я отпущу. Но после обряда. Правила есть правила.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я откажусь.

— Посмотрим, — сказал он и ушёл.

Я осталась в коридоре одна, слушая, как бьётся моё сердце. Оно не хотело принца, однако невольно заметило его искренность.

Четвёртое испытание — танец. Его придумали, чтобы показать грацию и чувственность. Девушки танцевали под музыку, каждая по-своему — кто-то нежно, кто-то страстно, кто-то отчаянно. Я стояла последней, придумывая, как провалиться. Сделать неловкое движение, сбиться с ритма, вызвать смех.

Но когда заиграла музыка — низкий звук струнных, похожий на плач, — моё тело повело само. Я не танцевала, словно вспоминала. Руки Гари на моей талии, когда мы кружились на кухне под старую песню, которую он включил в телефоне.

Его смех, когда я наступала ему на ноги. Его шёпот: «У тебя никогда не получалось танцевать, Элизабет. Но ты всё равно самая красивая». Я двигалась, как в трансе.

Моё платье развевалось, волосы летели за спиной, руки рисовали в воздухе узоры — невидные, но те, кто чувствовал, видели их. Это был танец прощания. Зрители замерли. Судьи не дышали. Принц смотрел, не отрываясь. Когда музыка кончилась, я опустилась на колени и заплакала. Впервые при всех. Никто не хлопал.

Потом, медленно, начали аплодировать — не громко, осторожно, как будто боялись разбить тишину. Я поднялась и ушла с арены, не глядя ни на кого.

Пятое испытание — последнее. Интеллект. Нам задавали вопросы о политике, истории, военном деле. Я отвечала точно, сухо, без страсти. Просто чтобы закончить. Набрала средние баллы — не лучшие, не худшие. Когда объявили результаты, даже не слушала. Я стояла в стороне и смотрела на звёзды, которые уже зажглись за окнами дворца. Три солнца сели, наступило время короткой ночи — всего четыре часа, но они были тёмными, глубокими, похожими на космос.

— Элизабет, дочь Ка-Тара! — голос глашатая прогремел над залом. — Ты признана лучшей по итогам всех испытаний! Принц Картер выбирает тебя!

Я замерла.

— Нет, — сказала я.

Тихо, но в тишине зала это услышали все.

— Я отказываюсь.

Шёпот прокатился по рядам. Кто-то ахнул, кто-то засмеялся. Картер поднялся с трона. Он медленно спустился по ступеням, прошёл через весь зал и остановился передо мной.

— Ты не можешь отказаться, — сказал он. — По закону, если принц выбрал, девушка обязана подчиниться.

— А если она внезапно умрёт? — спросила я.

Он побледнел — насколько вообще может побледнеть краснокожий.

— Ты не убьёшь себя из-за замужества со мной.

— Почему нет?

— Потому что ты сильнее, чем кажешься. И потому что он — тот, кто умер — хотел бы, чтобы ты жила.

Я смотрела в его фиолетовые глаза и видела в них не триумф, не злорадство — боль. Похожую на мою.

— Зачем я тебе? — прошептала я. — Я сломана. Я не желаю любить. Меня не будет здесь мысленно еще очень долго. Отец говорил о пророчестве, но я не хочу его исполнять.

— Мне не нужна твоя любовь, — ответил он. — Мне нужен союзник. Созидательница. Та, кто поможет остановить войну.

— А если я не смогу?

— Тогда мы оба погибнем. Но по крайней мере — не в одиночестве.

Зал затих. Я чувствовала взгляды — тысячи глаз, смотрящих на нас, ожидающих моего ответа. Луара сжала мою руку.

ку. Рея кивнула издалека. Близнецы замерли, раскрыв рты. Я вспомнила Гари. Не мёртвого, живого — того, кто смеялся над чёрным омлетом. «Не сдавайся, Элизабет. Живи».

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна. Но не потому, что вы мне нравитесь. Потому что мне более некуда идти.

Картер кивнул. Его лицо не изменилось. Но в его мыслях я прочитала: «Этого достаточно. Пока». Он протянул руку. Я взяла её. Ладонь мужчины была горячей, шершавой, с мозолями от меча. Глашатай объявил:

— Свершилось! Принц Картер и Элизабет, дочь Ка-Тара, обручены! Свадьба через месяц!

Зал взорвался аплодисментами, а я стояла и смотрела в окно на звёзды. Одна из них была Землёй. Там, на Земле, под дождём, лежал человек, который смотрел на те же звёзды, но уже не видел их. Прости меня, Гари, — прошептала я. Я не хотела. Но должна жить дальше. Рука Картера сжала мою сильнее.

Я не отняла. Не сейчас.

Глава 13: Дворец из чёрного камня

Дворец оказался лабиринтом. Я бродила по его коридорам уже третью ночь после обряда, и каждый раз находила новые двери, странные лестницы, потаённые залы, которых не было на планах. Акабарцы говорили, что Кар-Тар построен на костях древнего города, который стоял здесь за тысячу лет до Разрыва, и некоторые комнаты помнят времена, когда красное солнце ещё светило.

— Ты не спишь, — сказал голос за спиной.

Я не вздрогнула. Ведь уже привыкла к его шагам — тихим, крадущимся, кошачьим. Картер появился из-за колонны, держа в руке светильник — зелёный шар, парящий над ладонью. В его свете лицо принца казалось бледнее, а глаза — глубже.

— Не спится, — ответила я. — Здесь слишком тихо.

— На Акабаре никогда не бывает тихо. Просто ты ещё не научилась слышать.

Он подошёл ближе, остановился в двух шагах. Не вторгался в моё личное пространство — и за это я была благодарна.

— Что ты здесь ищешь? — спросил он.

— Выход, — честно ответила я. — Не из дворца. Из клетки внутри себя.

Мужчина долго молчал. Потом сел на пол, прислонившись спиной к колонне, и похлопал по месту рядом.

— Садись. Если мы не спим, хотя бы поговорим.

Я села. На расстоянии вытянутой руки. Босиком, в белой тунике, которую дала Рея — лёгкой, почти прозрачной, но тёплой. Пол подо мной был холодным, чёрный камень тянул тепло из тела. Но я не мёрзла — давно разучилась.

— Ты всегда так одеваешься? — спросил принц, взглянув на мои голые ступни.

— Я всегда любила ходить босиком. На Земле тоже. Недолюбиваю обувь.

— Странная ты женщина.

— Я знаю.

Мы замолчали. Тишина была неловкой, но не враждебной. Как между двумя сослуживцами, которые только что заключили перемирие и ещё не знают, стоит ли ему доверять.

— Расскажи о нём, — сказал Картер. — О том, кто умер.

— Зачем?

— Чтобы понять, почему ты смотришь на меня сквозь пелену воспоминаний о нём.

Я повернулась к нему. В свете зелёного шара его лицо было напряжённым, но без насмешки. Он действительно хотел знать.

— Его звали Гари, — сказала я. — Он был человеком. Сыном того, кто продал меня в лабораторию. Но он не был похож на отца. Гари был добрым, слегка неудобным, ревнивым, вспыльчивым, но очень добрым. Он готовил чёрный омлет и говорил, что это искусство, боялся высоты, но каждый день

поднимался на двадцатый этаж, потому что стеснялся признаться. Ждал меня, когда я тонула в своих кошмарах, и не задавал вопросов. Я полюбила его, а он умер, прикрывая меня от пуль.

— Ты была там когда он..?

— Я держала его за руку, когда он умирал. Гари улыбался.

Картер отвернулся. Я не читала его мысли — слишком устала, — но чувствовала, как внутри него что-то дрожит. Словно мои слова попали в старую рану.

— Моя мать умерла у меня на руках, — сказал он тихо. — Её убили голубые, во время рейда. Мне было десять. Она лежала на полу, в луже крови, и просила: «Не плачь, Картер. Ты теперь глава дома». Я не заплакал, лишь дал клятву уничтожить голубую расу. Но сейчас, глядя на тебя, я понимаю, что месть не принесёт облегчение.

— Ничто не вылечит, — сказала я. — Кроме времени.

— А если времени нет?

— Тогда привыкаешь носить боль внутри. Как второй скелет.

Он посмотрел на меня. В его фиолетовых глазах мелькнуло что-то — не благодарность, но понимание.

— Ты не похожа на других кандидаток, — сказал он. — Я и не невеста, а — заложница обстоятельств.

— Будем заложниками вместе, — он усмехнулся. — Идёт?

— Идёт.

Мы просидели до рассвета, пока зелёное солнце не поднялось над городом. Потом я встала, отряхнула тунику, посмотрела на него сверху вниз.

— У тебя есть друзья, Картер?

— Были. Они умерли на войне.

— А враги?

— Полный дворец.

— Тогда я не стану твоим врагом, — сказала я. — Так будет честно.

Он улыбнулся. Впервые по-настоящему — с теплом, с грустью, с той лёгкой болью, которая бывает, когда смеёшься над чем-то, что уже не исправить.

— Идёт, — повторил он.

Следующие дни потянулись, как тягучий сироп. Я жила во дворце, в покоях, которые отвели мне как будущей королеве — три комнаты, балкон с видом на сад, личная ванна с оранжевой водой, пахнувшей серой. Слуги — две девушки-акабарки, близняшки, как Вар и Варт, с золотистой кожей и длинными белыми волосами, — помогали мне одеваться, причёсываться, привыкать к местной пище.

— Тебя боятся, — сказала одна из них, когда я отказалась от завтрака. Её звали Велла.

— Почему?

— Ты Созидательница. Ты можешь всё.

— Я могу только то, что хочу, — ответила я. — А хочу я очень мало.

Велла не поняла, но кивнула. Она была обучена не спорить с госпожами. Картер приходил каждый вечер. Мы разговаривали — о политике, о войне, о расах. Он рассказывал о голубых — морском народе, живущем на плавучих островах, о зелёных — лесных жителях, которых боялись даже свои, о белых — призрачных воинах, появляющихся из ниоткуда и исчезающих в тумане.

— Они все нас ненавидят, — сказал он. — Нас, красных. Потому что мы сильнее и не прячемся, а воюем открыто.

— А что, если не воевать? — спросила я. — Тогда они убьют нас во сне.

Я не нашлась, что ответить. На Земле люди тоже убивали друг друга из страха. Только они называли это «защитой».

Отец навестил меня на седьмой день. Он выглядел уставшим — под глазами круги, кожа стала тусклой. Я впервые заметила, что он стареет. Акабарцы жили долго — до трёхсот лет, но отец много воевал, много терял, и его внутренний ресурс истощался.

— Дочь моя, — сказал он, обнимая меня. — Как ты?

— Жива, — ответила я. — Принц не кусается.

— Он хороший мужчина. Дай ему шанс.

— Я не даю шансов тем, кого не выбирала сама.

Отец вздохнул. Достал из кармана маленький красный камень — пульсирующий, живой. — Это камень связи. Если тебе будет совсем плохо — разбей его. Я приду. Несмотря ни на что.

— Спасибо, — я взяла камень, спрятала на груди.

— Ты видел маму во снах?

Вопрос вырвался неожиданно. Я не собиралась спрашивать, но слова сами сорвались с губ. Отец отвернулся. Долго молчал.

— Каждую ночь, — сказал он наконец. — Во снах происходит чудо. Она сидит под яблоней, читает книгу. Когда я подхожу, она улыбается. Но не встаёт.

— Мне тоже она снится иногда. Только не улыбается, а смотрит на меня и плачет.

— Потому что ты жива, а она нет. Слёзы — от радости.

Я не ответила, лишь посмотрела в окно, на три солнца, которые по очереди закатывались за горизонт. Голубое первым, потом зелёное, потом белое. И наступала ночь — короткая, тёмная, полная воспоминаний.

Через две недели во дворец прибыла новая обитательница. Её звали Миранда. Она была из зелёной расы — кожи цвета молодой травы, волосы — как осенняя листва, глаза — янтарные. Она была посланцем, присланным для переговоров о перемирии, но на самом деле — шпионкой. Я знала это, потому что читала её мысли. Она хотела узнать слабости Картера и мои.

— Здравствуйте, будущая королева, — сказала она, склоняясь в поклоне. В её голосе была сладость, похожая на яд.

— Здравствуй, — ответила я. — Вы далеко от дома.

— Дом там, где нас ждут, — она улыбнулась. — А меня

ждали здесь. Особенно принц.

Картер, стоявший рядом, ничего не сказал. Его лицо было каменным. Но я чувствовала его напряжение. Миранда поселилась в восточном крыле. Я избегала её, но она сама находила меня — в саду, в библиотеке, в коридорах.

— Вы не похожи на других, — сказала она однажды, когда я читала свиток о войнах голубой расы. — У вас внутри что-то горит. Что-то, что не погасло даже после потери.

— Вы ошибаетесь, — ответила я. — Внутри меня только пепел.

— Пепел тоже может дать жизнь. Нужна искра.

Она коснулась моей руки. Я отдёрнула — инстинктивно, резко. Она не обиделась, только улыбнулась.

— Я хочу быть вашей подругой, Элизабет. Нам, чужим этому месту, нужно держаться вместе.

— Я не ищу друзей.

— Друзья сами находятя порой. Возможно это именно тот случай.

Она ушла, а я осталась сидеть, чувствуя на ладони след от её прикосновения — холодный, колючий, как от ядовитой змеи.

В ту ночь мне приснилось что-то странное. Я стояла на поле боя. Вокруг — мёртвые акабарцы, красная трава, чёрное небо. Ни одного солнца. Вдалеке — фигура. Не Гари. Картер. Он держал меч, опущенный остриём вниз, и плакал. Беззвучно.

— Почему ты плачешь? — спросила я.

— Потому что выиграть войну невозможно, — ответил он. — Можно только не дать убить свой народ.

— А что потом?

— Потом — пустота.

Он повернулся ко мне. Его глаза были не фиолетовыми — чёрными, как та пустота, о которой он говорил.

— Ты нужна мне, Элизабет. Не как королева. Как та, кто увидит эту пустоту и назовёт её открыто.

— Я не умею называть вещи. Я умею только выживать.

— Этого достаточно.

Проснулась я от того, что меня трясли за плечо. Картер стоял надо мной, бледнее обычного.

— Ты кричала во сне, — сказал он.

— Прости.

— Не извиняйся. Расскажи.

Я рассказала. Он выслушал, не перебивая, потом сел рядом на край кровати.

— Это не просто сон, — сказал он. — Это видение. Ты видишь будущее.

— Я не хочу видеть будущее. Оно слишком тёмное.

— Будущее не тёмное. Оно неопределённое. Ты можешь его изменить.

— Как?

— Победив войну не оружием. Миром.

Я усмехнулась.

— Ты веришь в мир после того, как видел столько смертей?

— Не верю, — он покачал головой. — Но хочу поверить в тебя.

Мы замолчали. В комнате было тихо — только ветер шевелил занавески на окне.

— Картер, — сказала я.

— М?

— Почему ты не ищешь другую невесту? Ту, которая захочет быть с тобой. Которая будет улыбаться, поддерживать, любить. Я — не такая.

— Я знаю, — он посмотрел на меня.

В его глазах была усталость, но не злость.

— Но я не ищу любовь. Я ищу того, кто не будет врать. Ты не врешь. Ты даже слишком честна. Мне этого достаточно.

— А если любовь придёт у нас? — спросила я саму себя.

Он не ответил. Просто встал, поправил одежду и направился к двери.

— Спи, Элизабет. Завтра трудный день. Совет старейшин хочет видеть тебя.

— Зачем?

— Ты Созидательница. Теперь ты часть политики этой страны.

Он ушёл, а я долго смотрела в потолок, где плавали золотые разводы — моя сила, просачивающаяся сквозь сны. Она пульсировала в такт моему сердцу: «жить, жить, жить». Я ре-

шила, что попробую. Не для принца. Не для отца. Для Гари, который хотел, чтобы я не сдавалась.

Глава 14: Совет Старейшин

Зал Совета находился в сердце дворца, под самым куполом. Сюда не доносился шум улиц, не проникал свет трёх солнц — только тусклое свечение парящих зелёных шаров, которые мерцали в такт дыханию старейшин. Их было семеро — семеро древних краснокожих мужчин и женщин, чьи лица напоминали кору старых деревьев. Они сидели в креслах из чёрного дерева, окружённые свитками, картами, голограммами и смотрели на меня.

Я стояла в центре зала, босиком, в длинном платье цвета слоновой кости, которое выбрала Рея — скромном, почти монашеском. Волосы распущены, на лице — никаких украшений. Картер велел прийти такой: «Пусть видят, что ты не ищешь их благосклонности. Сила не нуждается в драгоценностях».

— Элизабет, дочь Ка-Тара, — произнёс главный старейшина, женщина с белыми, как снег, волосами и фиолетовыми глазами. Её звали Селена. — Ты прошла обряд, но не доказала верность нашему дому. Почему мы должны доверять тебе, чужая?

— Вы не должны, — ответила я. — Я ничего не прошу у вас, кроме права жить на этой планете.

— Ты будешь женой принца. Это даёт тебе власть.

— Власть не дают — её берут, — я посмотрела ей прямо

в глаза. Старейшина не отвела взгляда. — Я не брала власть. Я приняла предложение не потому, что хочу править, а потому что не хочу умирать. Если для вас это недостаточная причина — я уйду.

Шёпот прокатился по залу. Старейшины переглядывались.

— Уйти — значит нарушить клятву, — сказал другой старейшина, мужчина с седой бородой, в чёрной мантии. — Нарушителей казнят.

— Тогда зачем вы спрашиваете? — я устало вздохнула. — Вы уже всё решили. Моя судьба — быть королевой или быть мёртвой. Я выбираю первое. Но это не значит, что буду плясать под вашу дудку.

Селена медленно поднялась. Она была выше меня на голову, и в её глазах горел холодный огонь — тот, что бывает у людей, которые видели войны и пережили всех, кто был им дорог.

— Ты смелая, — сказала она. — Или глупая. Время покажет. Мы принимаем тебя в Совет. Но без права голоса. Пока не докажешь свою преданность.

— Как я должна её доказать?

— Участвуй в битве с голубыми. Через месяц будет рейд на их плавучий город. Мы пошлём отряд. Если ты принесёшь голову их предводителя — тогда и заслужишь уважение.

Я почувствовала, как внутри закипает гнев. Не потому, что мое внутреннее я, боялась битвы — потому что меня сно-

ва использовали. Сначала учёные, потом Кейн, теперь старейшины. Все хотели от меня только одного — силы, которая могла убивать.

— Я не убийца, — сказала я. — Я целитель.

— Целители не меняют ход войны, — ответила Селена.

— Убийцы — да.

— А Созидатели?

Она замолчала. Старейшины замерли.

— Что ты предлагаешь? — спросил бородатый.

— Я предлагаю то, чего вы не пробовали тысячу лет, — я сделала шаг вперёд, и волна золотого света вырвалась из моей груди, осветив весь зал. — Мир. Не перемирие, не затишье перед новой бойней — настоящий, живой мир. Я могу соединить расы. Не силой — своим даром. Если вы дадите мне время.

— Время — роскошь, — сказала Селена. — Белое солнце взойдёт через два месяца. Если к тому моменту мы не объединимся, голубые уничтожат нас. У них новое оружие. Лазеры, которые режут даже нашу кожу.

— Два месяца — это много, — ответила я. — Если перестать убивать и начать говорить.

Старейшины снова зашептались. Селена подняла руку — они замолчали.

— У тебя есть один месяц, — сказала она. — Попробуй договориться с голубыми. Если не выйдет — ты возглавишь отряд.

— А если я откажусь?

— Тогда ты не нужна нам, — Селена села на место. — И мы будем искать другую Созидательницу.

Я знала, что другой нет и они знали. Это был просто спектакль, чтобы показать, кто здесь главный.

— Хорошо, — сказала я. — Я попробую.

Картер ждал меня в коридоре. Он слышал всё стены в этом дворце были тонкими.

— Ты идиотка, — сказал он, когда мы отошли подальше. — Голубые не станут говорить с тобой. Они убьют тебя при первой возможности.

— Тогда я убью их первой, — ответила я. — Но ты сам говорил, что хочешь мира.

— Хочу. Но не ценой твоей жизни.

— Моя жизнь уже ничего не стоит, — я остановилась, посмотрела на него. — Я потеряла всё. Если смогу помочь хотя бы одному человеку — или акабарцу — не потерять то же, что потеряла сама, значит, жизнь прожита не зря.

Он взял меня за плечи. Сильно, почти болезненно.

— Не говори так. Твоя жизнь — это не что-то, что можно бросить на алтарь политики.

— А что тогда? — спросила я. — Любовь? У меня нет любви. Друзья? Я не умею дружить. Долг? Вот он, мой долг — перед отцом, перед тобой, перед расой, которая дала мне убежище.

— Ты никому ничего не должна, — он отпустил меня,

отступил. Глаза потухли. — Ты свободный человек. Всегда была такой, с первой нашей встречи. Просто боялась себе в этом признаться.

— А ты? — спросила я. — Ты свободен?

Он усмехнулся.

— Я — принц. Моя свобода — это клетка, которую выбрал сам по рождению.

Мы пошли к выходу. Впереди ждали новые испытания.

Миранда поджидала меня в саду.

Она сидела на скамейке под деревом с золотистыми листьями, в зелёном платье, которое сливалось с травой. В руках — кубок с красным вином. Увидев меня, улыбнулась.

— Слышала, ты идёшь к голубым, — сказала она. — Смелый шаг.

— Глупый, — ответила я. — Но другого нет.

— А если я предложу тебе другой? — она похлопала по скамейке рядом. — Садись, не бойся. Я не кусаюсь.

Я села. На расстоянии. Ветки дерева касались моих волос.

— Говори, — сказала я.

— Голубые не будут говорить с тобой, потому что ты красная. Им нужен посредник. Нейтральная сторона.

— Ты предлагаешь себя?

— Я предлагаю свой народ. Зелёные — единственные, кто не воюет ни с кем. Мы торгуем со всеми, лечим всех. Нас уважают. Если пойду с тобой, голубые хотя бы выслушают.

— И что ты хочешь взамен?

Она допила вино, поставила кубок на траву.

— Доступ к источникам. Красные контролируют три ключа с живой водой — она нужна нам для выращивания лесов. Если вы откроете один ключ для зелёных, мы обеспечим вас продовольствием на десять лет вперёд.

— Ты шпионка, — сказала я. — Я читаю твои мысли. Ты хочешь не ключ — а хочешь уничтожить наши запасы воды.

Миранда побледнела. Её зрачки сузились.

— Ты не можешь читать мысли зелёных. Наш разум защищён.

— Я Созидательница, — ответила я. — Для меня нет защиты.

Она вскочила. В её руке появился маленький нож — тонкий, с синим свечением.

— Тогда ты не оставляешь мне выбора, — прошептала она.

Я не двинулась с места. Её нож вошёл мне в плечо — я чувствовала холод, но не боль. Кровь потекла по руке. Я смотрела на неё спокойно.

— Теперь ты убила посла, — сказала я. — Война неизбежна.

— Я убью тебя, а скажу, что напали голубые. Мне все поверят.

— Ошибаешься, — я схватила её за запястье. Сила вырвалась наружу — золотая, горячая. Нож расплавился. Миранда закричала, пытаясь вырваться. Но я держала крепко.

— Картер знал, что ты шпионка. Он послал тебя ко мне, чтобы проверить, на что я способна.

— Что?..

— Это была ловушка, — я отпустила её. Она упала на траву, потирая обожжённую руку. — И ты в неё попала.

Из-за деревьев вышел Картер. В руках — записывающее устройство.

— Зелёная раса объявляет войну красной, — сказал он. — Я отправлю эту запись вашему Совету. Война будет короткой.

Миранда подняла голову. В её глазах была не злоба — страх.

— Вы не победите, — прошептала она. — Голубые и белые за нас.

— Посмотрим, — Картер помог мне подняться. — А ты, Элизабет, иди лечить плечо. Кровь высохла, но рана открытая.

Я кивнула. На прощание посмотрела на Миранду — она сидела на земле, обхватив колени, и раскачивалась из стороны в сторону.

— Ты могла бы стать моей подругой, — сказала я. — Но выбрала смерть. Прощай.

Я ушла, оставив её в саду под деревом с золотыми листьями.

Элиан, корабельный врач, зашила моё плечо.

— Повезло, что нож не был отравлен, — сказала она, на-

кладывая повязку. — Зелёные любят яды.

— Я не чувствую боль, — ответила я. — Яд — тоже бесполезен.

— Всё равно будь осторожнее. Твоё тело — не броня. Оно может регенерировать, но процесс отнимает силу.

— Какая разница, если силы много?

Она посмотрела на меня внимательно.

— Сила не бесконечна, Элизабет. Каждый акт созидания — это часть тебя. Трать её с умом.

Я задумалась. Никто не говорил мне этого раньше. Ни отец, ни Гари, ни учёные в лаборатории.

— А что будет, если она закончится? — спросила я.

— Ты станешь обычным человеком. Будешь стареть, болеть, умирать. Как все.

Я не знала, радоваться этому или бояться. Обычный человек — это свобода или приговор?

— Спасибо, — сказала я. — Я запомню.

Вечером Картер пришёл ко мне с бутылкой красного вина и двумя кубками.

— Хочешь отпраздновать? — спросила я.

— Хочу напиться, — ответил он. — Впервые за десять лет.

Он сел на пол, прислонившись к моей кровати. Бросил подушку рядом — для меня. Я села, взяла кубок.

— Ты знал, что Миранда шпионка?

— Знал. Ещё до её прибытия. Но мне нужно было дока-

зательство.

— И ты использовал меня как приманку.

— Да, — он не отвернулся. — Прости. Это было подло.

— В политике нет подлости, — сказала я. — Есть только финальный аккорд.

— Ты говоришь как старейшина.

— Я учусь.

Он засмеялся. Горько, почти беззвучно.

— Знаешь, я думал, что непонимаю тебя, — сказал он. —

Ты пришла из другого мира, чужая, сломанная, но сильная. Совсем не боишься смерти. Не сторонишься меня. Ты — всё, чего я боялся всю жизнь.

— Почему боялся?

— Потому что ты живая. Настоящая, я — лишь маска, функция, а не человек

Он отпил вино. Я — тоже. Вино было терпким, кислым, пахло лесными ягодами и горечью.

— Картер, — сказала я. — Ты не маска. Ты человек, который слишком долго притворялся сильным. Но даже камни порой плачут. Я слышала...

Он замер. Потом отставил кубок, закрыл лицо руками.

— Никто не должен знать об этом, — глухо сказал он.

— Я не скажу, — я коснулась его плеча. — Я тоже плачу ночами, порой и днями. Со слезами выходит моя скорбь и страх перед грядущим.

Мы сидели так долго, пока вино не кончилось, а зелёное

солнце не поднялось над горизонтом.

— Элизабет, — сказал он, когда первые лучи заглянули в окно.

— М?

— Спасибо, что не убежала и ещё со мной.

— Ещё не вечер, — ответила я, подмигнув.

Глава 15: Голубая кровь

Путь к плавучим островам голубой расы занял семь дней.

Мы ехали на спинах шерганов — огромных краснокожих ящеров с длинными шеями и глазами, светящимися в темноте. Картер настоял, чтобы отряд был небольшим: он, я, десять лучших воинов и посол, старик с седой бородой по имени Аркан, который когда-то торговал с голубыми и знал их обычаи.

— Чем меньше нас, тем меньше шансов, что нас примут за захватчиков, — сказал принц, когда мы выезжали из ворот Кар-Тара. — Голубые не доверяют большим группам. Они сами всегда путешествуют по одному.

— Как пираты, — заметила я.

— Не знаю о ком ты, но эти те еще головорезы, — усмехнулся он.

Я ехала на своём шергане, которого назвала Кара — в честь огненной кошки из детских снов. Он был спокойным, тёплым, пах мускусом и травой. Я не пользовалась седлом — сидела прямо на спине, босиком, чувствуя, как под кожей ящера пульсирует кровь. Кара слушался меня без слов. Я читала его мысли — простые, звериные, полные преданности.

Первые три дня мы двигались по красной равнине, мимо высохших русел рек и заброшенных деревень. Земля здесь была сухой, потрескавшейся, с редкими пучками жёсткой

травы. Война выжгла эти места. Голубые расы сожгли посе-
вы, отравили колодцы, угнали скот. Красные ответили тем
же.

— Здесь жила моя тётя, — сказал Картер, показывая на
развалины у холма. — Её убили десять лет назад. Мне бы-
ло пятнадцать. Я прибежал на пепелище и нашёл только её
кольцо.

— Ты носишь его?

Он поднял левую руку. На мизинце блестел тонкий сереб-
ряный ободок.

— Всегда, чтобы помнить.

Я замолчала. В каждом камне этой земли была чья-то боль
и моя теперь тоже.

На четвёртый день мы въехали в туманную зону.

Воздух стал влажным, тяжёлым, пахло солью и гниющими
водорослями. Красная земля сменилась солончаками, хру-
стящими под когтями шерганов. Кара нервничал — я чув-
ствовала его беспокойство.

— Мы уже близко, — сказал Аркан. — Плавучие острова
в трёх километрах к западу. Нужно спешиться, иначе ящеры
провалятся.

Мы оставили шерганов под присмотром двух воинов и по-
шли пешком. Туман сгущался, скрывая горизонт. Я ступала
осторожно — под ногами чавкала жижа, в которой иногда
попадались кости. Чьи — мне было неизвестно.

— Голубые не любят гостей, — прошептал Аркан. — Они

могут напасть внезапно. Будьте наготове.

— Я всегда готов, — ответил Картер. Его рука лежала на рукояти меча.

Я не брала оружия. Моё тело само умело уничтожать.

Плавучие острова появились из тумана как призраки.

Они парили в воздухе — невысоко, метрах в пяти над водой, — соединённые канатами и деревянными мостами. Дома были построены из синего камня, с крышами из чешуи, которая переливалась на свету. Жители — голубокожие, с волосами цвета морской волны и глазами, похожими на аметисты, — смотрели на нас с настороженностью.

— Мы пришли с миром, — громко сказал Аркан на их языке. — Принц Картер красной расы и Созидательница Элизабет хотят говорить с вашим предводителем.

Из толпы вышел высокий мужчина с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. На нём была мантия из рыбьей чешуи, на поясе — кинжал с рукоятью из коралла. Лорд Акваний, предводитель голубых.

— Зачем красным мир? — спросил он. — Вы всегда хотели только войны.

— Мы хотим выжить, — ответил Картер. — Как и вы. Белое солнце взойдёт через два месяца. Если мы не объединимся, белая раса уничтожит нас всех.

— Белая раса сильна, но глупцов среди них больше — Акваний усмехнулся. — Они не нападут на всех сразу. Только на того, кто ослаблен.

— А мы ослаблены, — сказала я, выступая вперёд. — Война длится тысячу лет. В ваших жилах течёт голубая кровь, в наших — красная. Но когда белое солнце поднимется, и те, и другие потеряют свои силы и тогда нас перережут, как скот.

Акваний посмотрел на меня. Долго, пристально. Я не отвела взгляд.

— Ты Созидательница, — сказал он. — Та, кто может соединить расы.

— Я та, кто может попробовать, — ответила я. — Если вы дадите шанс.

Он повернулся к Картеру.

— Что ты предлагаешь?

— Обмен послами. Доступ к источникам воды для нас, доступ к лесам для вас. Совместные патрули на границах. И главное — прекращение огня на время переговоров.

— А если белые нападут?

— Мы будем защищать вас. Как вы — нас.

Акваний задумался. Толпа голубых зашепталась.

— Твоя Созидательница говорит красиво, — сказал он наконец. — Но слова — это ветер. Дайте мне знак, что вы искренни.

— Какой знак? — спросила я.

— Моя дочь больна. Она умирает от проклятия белой расы — они наслали порчу на её кровь. Если ты исцелишь её, я поверю.

Я посмотрела на Картера. Он кивнул.

— Веди, — сказала я.

Дочь Аквания лежала в башне из синего камня, на кровати из водорослей. Ей было лет двенадцать — тонкая, бледная, с чёрными венами под прозрачной голубой кожей. Проклятие белых рас — я чувствовала его, как холод на кончиках пальцев в мороз. Оно пульсировало в её теле, высасывая жизнь.

— Когда это случилось? — спросила я.

— Полгода назад. Она ходила к синему озеру, и на неё напали белые тени. Нападающие не убили — куда хуже её прокляли. Медленная смерть, чтобы мы мучилась дольше.

Я положила руки на грудь девочки. Закрыла глаза. Увидела — чёрные нити, обвившие сердце, лёгкие, мозг. Они тянулись к источнику проклятия — маленькой белой сфере, застрявшей между рёбер.

— Это можно вылечить, — сказала я. — Но будет больно.

— Она уже ничего не чувствует, — глухо сказал Акваний.

— Сейчас и проверим.

Сказав, тут же начала вытягивать чёрные нити. Они сопротивлялись, впивались в мои пальцы, жгли их холодом. Я не чувствовала боли, но ощущала наваливающуюся усталость — сила уходила быстро, как вода из пробитой плотины. Золотой свет залил комнату, ослепив голубых. Картер стоял у двери, сжимая меч.

Последняя нить лопнула. Белая сфера выпала изо рта де-

вочки и рассыпалась в пыль. Девочка открыла глаза — карие, живые, свои.

— Папа? — прошептала она.

Акваний упал на колени, обнял её.

— Спасибо, — сказал он, глядя на меня. — Спасибо, Созидательница.

Я кивнула, прислонившись к стене. Силы кончились — ноги почти не держали.

— Перемирие, — прошептала я. — Ты обещал.

— Перемирие, я всегда держу своё слово — ответил он.

Ночь мы провели на плавучем острове.

Голубые накормили нас рыбой и водорослями, дали чистую воду и мягкие постели. Я лежала на койке, глядя в потолок, где отражалось море — через прозрачные стены башни был виден океан, тёмный, бесконечный, с серебряными дорожками от луны. Акабарская луна была красной, как капля крови.

Картер постучал. Вошёл без приглашения — мы уже прошли эту стадию.

— Ты рисковала, — сказал он, садясь на край кровати. —

Если бы силы не хватило, ты могла умереть.

— Умереть от чего?

— От истощения. Элиан говори...

— Я не умерла, — перебила я. — Главное девочка жива.

Акваний согласился на перемирие. Это победа.

— Слишком лёгкая, — он покачал головой. — Голубые

коварны. Они могут ударить в спину.

— Тогда мы ответим. Но сейчас — мир.

Я повернулась на бок, глядя на него. В красном свете его лицо было мягким, почти человеческим.

— Ты боялся за меня? — спросила я.

— Да, — сказал он просто. — Хотя не должен был.

— Почему?

— Потому что ты — сильная. За таких обычно переживать не стоит.

— Ты увиливаешь, — я коснулась его руки. — Ты испугался не за исход моих действий, а за меня саму.

Он не убрал пальцы. Мы сидели так долго, слушая, как океан бьётся о стены башни.

— Элизабет, — сказал он. — Если завтра белые нападут, что ты сделаешь?

— Защищу тебя, — ответила я. — Ведь это долг сильного.

— Я ощущаю от твоих слов острый дискомфорт.

— Этого достаточно.

Он улыбнулся. Та же улыбка — редкая, дорогая, как бриллиант.

— Спи, — сказал он. — Завтра трудный день.

— Они нападут, да?

— Надеюсь что нет, — он встал. — Но будь готова ко всему. Ты больше не на земле, моя королева...

Он ушёл сохраняя неясную улыбку, а я долго смотрела в потолок, пока сон не пришёл сам собой.

Нападение случилось на рассвете.

Белые расы появились из тумана — десятки теней с бледной кожей и серебряными глазами. Они не шли — скользили над водой, оставляя за собой ледяные дорожки. В руках — копья, светящиеся холодным огнём.

— Тревога! — закричал Акваний.

Голубые бросились к оружию. Но белые были быстрее. Они ворвались на острова, убивая всех на своём пути. Я убежала из башни — босиком, в ночной рубашке, с распущенными волосами. Картер уже сражался — его меч сверкал в воздухе, разрубая копья, щиты, тела.

— Элизабет, за мной! — крикнул он.

Я создала щит — золотой, пульсирующий, — прикрыла им группу голубых детей, которые бежали к лодкам. Белые атаквали щит, но он держался. Потом один из них — высокий, с короной на голове, — бросил в меня копьё. Я увернулась, но копьё задело плечо — там, где была старая рана. Кровь потекла, но я не чувствовала боли.

— Ты — Созидательница, — сказал белый король. — Мы ждали тебя.

— Убирайтесь, — ответила я. — Или я убью вас.

— Ты не убийца, — он улыбнулся. — Ты целитель. Целители не могут убивать.

Я посмотрела на его лицо — гладкое, белое, без возраста. И в этот момент рядом упал Картер. Копьё пронзило его грудь — не насмерть, но глубоко.

— Нет! — я бросилась к нему, прижала руки к ране.

Сила лилась рекой — золотой, горячей, живой. Но копьё было белым, с проклятием, как у дочери Аквания. Оно сопротивлялось, высасывало энергию.

— Оставь, — прошептал Картер. — Спасай себя.

— Заткнись, — ответила я.

Я вырвала копьё из его груди. Кровь хлынула фонтаном. Я зашила рану, как училась когда-то на Земле, в лаборатории, на себе. Вена за веной, слой за слоем. Чёрные нити проклятия лопались, рассыпались в пыль.

Картер задышал ровнее. Открыл глаза.

— Жить буду? — спросил он.

— Будешь, — ответила я.

И тут же поднялась. Посмотрела на белого короля. Он замер — его копья были обращены в пепел от моего золотого света, а их силы больше не действовали.

— Убирайтесь, — повторила я. — Пока я не разозлилась по-настоящему.

Он дал знак. Тени растворились в тумане, как не бывало. Акваний подошёл ко мне, опустил на колени.

— Ты спасла нас, Созидательница. Я в неоплатном долгу.

— Пришлите послов в Кар-Тар, — сказала я. — Через неделю. Обсудим мир.

— Обязательно.

Я помогла Картеру встать. Он опирался на моё плечо, тяжело дышал, но улыбался.

— Ты спасла меня, — сказал он.

— Ты бы сделал то же самое, — ответила я.

— Сделал бы.

Мы пошли к лодкам. Позади остались плавучие острова, голубые, белые тени, которые отступили. Впереди ждал Кар-Тар, новые испытания, новая жизнь.

Я чувствовала: что-то изменилось в моей душе. Между нами появилась нить — тонкая, но прочная. Не любовь —, а зыбкое доверие. И этого было достаточно для дружеских отношений.

Глава 16: Тень пророчества

Возвращение во дворец было триумфальным.

Ещё за километр до ворот Кар-Тара мы слышали колокола — их звон разносился над равниной, тяжёлый, медный, похожий на голос самой земли. Жители высыпали на стены, крыши и улицы. Они кричали, махали руками, бросали под ноги шерганов цветы — красные, оранжевые, золотые. Я ехала рядом с Картером, его рука лежала на моём плече — он ещё не окреп после раны, но держался прямо, не показывая слабости. Принц не имел права быть слабым на глазах у народа.

— Они приветствуют тебя, — сказал он тихо. — Созидательницу, которая принесла мир.

— Они приветствуют тебя, — ответила я. — Принца, который рисковал жизнью ради них.

— Пусть будет так. Мы оба выполнили свой долг.

В воротах нас встретил отец. Он стоял впереди старейшин, в парадном облачении — красном плаще с золотыми нашивками, мечом на поясе. Его лицо было спокойным, но я видела: внутри него дрожит каждая мельчайшая клетка. Он боялся, что не вернусь назад. И теперь эта дрожь выливалась в гордость.

— Дочь моя, — сказал он, когда я спешила. — Ты превзошла все мои ожидания.

— Я просто сделала то, что должна была, — ответила я.

Он обнял меня. Крепко, как в детстве, которого у меня не было рядом с ним, оборванный пласт жизни. От него пахло деревом и старыми ранами, битвами. Я не отстранилась, а прижалась лишь сильнее.

Селена, главная старейшина, подошла следом. В её глазах уже не было холода — только любопытство.

— Мы признаём твою силу, Элизабет. Белые отступили, голубые согласились на перемирие. Ты сделала больше, чем любой воин за последние сто лет.

— Я не воин, — сказала я. — Я целитель.

— Целитель, который может убивать за свой народ, на благо нации, — она улыбнулась. — Не забывай об этом.

Я не забыла и никогда не забуду.

Нас провели в тронный зал, где уже собрались все старейшины, военачальники, послы. Картер поднялся на возвышение, я осталась внизу — по этикету, будущая королева не должна стоять выше принца до свадьбы. Но он протянул руку.

— Иди сюда, — сказал он.

Я поднялась. Мы стояли рядом перед всеми. Тысячи глаз смотрели на нас — на рыжеволосую девушку в белом платье и краснокожего воина в чёрном.

— Клянусь кровью предков, — произнёс Картер громко, так, чтобы слышали все, — эта женщина будет моей женой и королевой. Она принесла мир голубому народу и обратила в

бегство белых. Она — Созидательница и я горжусь тем, что могу стать ее супругом.

Зал взорвался аплодисментами. Я стояла неподвижно, глядя прямо перед собой. Внутри было пусто. Не больно, не радостно — опустошенно. Как после долгой битвы, когда адреналин угас, а тишина ещё не наступила.

Ты выбрала меня, — сказал он. Но я не выбирала. Меня заставили обстоятельства.

Пир после Совета длился до полуночи.

Я сидела рядом с Картером за главным столом, ела незнакомую еду, пила терпкое вино и улыбалась гостям. Улыбалась, хотя внутри всё сжималось от усталости. Луара сидела сбоку и рассказывала что-то смешное, но я не слышала — голоса сливались в один гул, а перед глазами плыли огни.

— Ты как? — спросил Картер, наклонившись к уху.

— Жива пока, — ответила я.

— Этого недостаточно.

— А что ещё нужно?

— Чтобы ты была счастлива.

Я посмотрела на него. В его фиолетовых глазах горел тот же огонь, что в первый день обряда. Только теперь он был не враждебным — настороженным. Он хотел понять меня, а я не давалась.

— Счастье — это не то, что можно получить по приказу, — сказала я. — Оно приходит само и не приходит вовсе.

— Ты думаешь, к нам оно не придёт?

— Я ни о чём не думаю. Я слишком устала для мыслей.

Он взял мою руку, сжал пальцы. Тепло разлилось по ладони — живое, человеческое.

— Тогда просто будь здесь, — сказал он. — Остальное однажды случится.

Я не ответила. Но руку не отняла.

Ночью, когда пир закончился и гости разошлись, я вышла в сад.

Луна уже села, три солнца спали, и только звёзды освещали землю — холодным, ледяным светом. Я села на скамейку под деревом с золотыми листьями, обхватила колени. Вспомнила Гари. Не в последний миг — в первый. На выставке, в толпе, когда он сказал: «Вы слишком грустны для такого праздника». Как давно это было, будто бы в другой жизни.

— Элизабет? — голос отца раздался из темноты.

Я не обернулась. Он сел рядом, тяжело опустившись на скамейку.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Не могу, — ответила я. — Слишком много мыслей.

— О чём?

— О пророчестве. О том, что я должна сделать. Как и о том, что будет, если не смогу.

Отец помолчал. Потом заговорил — тихо, как на исповеди:

— Пророчество — не приговор. Это направление, цель.

Ты можешь идти к ней, можешь свернуть. Но если ты не пойдёшь, кто-то другой займёт твоё место. И возможно, этот кто-то будет не тем самым, и все рухнет.

— Почему я? Почему не Луара, не другая девушка с даром?

— Потому что в тебе кровь двух миров. Земля дала тебе сердце, Акабар — силу. Ты — мост. Мосты не выбирают, где стоять. Их строят в местах где без них не пройти. Ты наш путь к миру и процветанию, дорогая.

Я повернулась к нему. В темноте его лицо казалось высеченным из камня — старым, мудрым, усталым.

— Ты веришь в пророчество? — спросила я.

— Я верю в тебя, — ответил он. — Всё остальное — слова написанные кем-то в веках.

Он обнял меня за плечи, и мы сидели так до первых лучей зелёного солнца. Когда небо начало светлеть, он встал.

— Иди спать, дочь. Завтра будет новый день.

— Они всегда новые, — сказала я. — Но похожи на старые.

— Не похожи, — он поцеловал меня в макушку. — Ты изменилась. Твоя душа стала сильнее.

— Или просто она устала, моя покалеченная душа.

— Усталость — тоже сила, — он улыбнулся и ушёл.

Я осталась одна. Звезды гасли одна за другой, и на их месте появлялись солнца — сначала зелёное, потом голубое, потом белое. Три бога, три стихии, три цвета. Я смотрела

на них и думала: «Я смогу. Должна. Не для них — ради его жертвы».

На следующий день Картер объявил, что свадьба состоится через месяц, в день летнего солнцестояния, когда все три солнца выстраиваются в одну линию.

— Это древняя традиция, — объяснил он мне за завтраком. — Считается, что в этот день боги слышат клятвы лучше.

— А если боги глухи? — спросила я.

— Тогда обойдёмся без них, — он отрезал кусок хлеба. — Главное, чтобы народ слышал.

Я не спорила. Спорить с традициями было бесполезно.

После завтрака ко мне пришла Велла — служанка-близняшка — и сказала, что старейшины хотят видеть меня на совете. Не Картера, только меня.

— Зачем? — спросила я.

— Не знаю, госпожа. Но это срочно.

Я оделась в простое синее платье, распустила волосы и пошла.

Селена ждала меня в малом зале — том самом, где проходили тайные советы. Там были только три старейшины: она, бородатый мужчина в чёрном и женщина с белыми волосами, которую я раньше не видела.

— Садись, Элизабет, — сказала Селена. — Нам нужно поговорить о твоём предназначении.

— Моём предназначении? — я села на указанное место.

— Я думала, оно уже определено — выйти замуж за принца и родить наследников.

— Это только часть, — беловолосая женщина заговорила впервые. Её голос был тихим, шелестящим, как сухая трава. — Ты — Созидательница. В древних книгах сказано, что Созидательница может не только объединить расы, но и воскресить мёртвых.

У меня перехватило дыхание.

— Воскресить? — переспросила я.

— Не буквально, — Селена поморщилась. — Старая легенда говорит, что Созидательница может вернуть души, которые ушли недавно. Но это требует огромной жертвы. Части её самой.

Я вспомнила Гари. Его тело, лежащее на асфальте под дождём. Его глаза, закрытые навсегда.

— Это правда? — спросила я. — Я могу вернуть его?

— Того человека, о котором рассказал нам твой отец? — беловолосая покачала головой. — Нет. Слишком далеко прежний твой мир. Но тех, кто погиб здесь, на Акабаре — возможно сможешь вернуть к жизни.

— Зачем вы говорите мне это?

— Чтобы ты знала свои границы, — ответила Селена. — Сила — это не только возможность созидать. Это и ответственность за тех, кого ты не можешь спасти.

Я встала.

— Спасибо за откровенность, — сказала я. — Но я не

собираюсь воскрешать мёртвых. Это не моя роль.

— А какая твоя? — спросил бородатый.

— Я ещё не знаю, — ответила я. — Но я узнаю и не с вашей помощью.

Я вышла из зала, чувствуя на спине их взгляды. Этот разговор оставил горький привкус. Не потому, что они лгали — потому, что они говорили правду. Слишком жестокую, чтобы в неё верить.

Картер ждал меня в коридоре. Он всегда появлялся, когда я выходила от старейшин.

— Что они хотели? — спросил он.

— Поговорить о воскрешении, — я криво усмехнулась.

— Сказали, что я могу вернуть мёртвых.

— И ты поверила?

— Нет. Но хотела бы верить.

Он взял меня за руку, повёл по коридору. Молча. Мы вышли на балкон, откуда открывался вид на город и три солнца.

— Я тоже хотел бы вернуть мать, — сказал он. — Каждую ночь. Но она не вернётся, как и твой возлюбленный — тоже.

— Я знаю, — мой взгляд упал на горизонт. — Но иногда хочется верить в чудо.

— Чудеса случаются, — он повернулся ко мне. — Ты — живое чудо. Ты прилетела с другой планеты, выжила в лаборатории, спасла меня, заключила мир с голубыми. Если это не чудо, то что?

— Обычная магия, — ответила я.

— Для меня ты — чудо.

Он улыбнулся. В его улыбке не было прежней боли — только тепло. Я отвернулась, чтобы не видеть его глаза. В них было слишком много того, чего я не могла принять.

Следующие дни прошли в подготовке к свадьбе.

Я мерила платья, выбирала украшения, учила танцы, которые должна буду исполнить перед гостями. Вся эта суета казалась мне чужой. Моя душа будто смотрела на себя со стороны — на девушку с рыжими волосами, которая готовится стать королевой, но внутри остаётся беглянкой из лаборатории.

Луара помогала, как могла.

— Ты слишком серьёзна, — говорила она, поправляя мою причёску. — Это свадьба, а не казнь.

— Для меня это одно и то же, — отвечала я.

— Не говори глупостей. Картер хороший мужчина. Он будет заботиться о тебе.

— А если я не хочу, чтобы обо мне заботились?

— Все хотят, — она вздохнула. — Просто ты этого еще не осознала.

Может быть, она была права. Я забыла, что значит быть счастливой. Но я не была уверена, что хочу вспоминать.

В ночь перед свадьбой мне приснился Гари.

Он стоял на поле из золотых цветов, в белой рубашке, без крови, без ран. Улыбался.

— Завтра твой день, — сказал он. — Ты станешь чьей-

то женой.

— Я не хочу, — ответила я.

— Хочешь, — он покачал головой. — Ты просто боишься.

— Чего?

— Что полюбишь его и того что я исчезну окончательно из твоих мыслей.

Я шагнула к нему, протянула руку. Он не двинулся.

— Ты никогда не исчезнешь, — сказала я. — Чувсива к тебе навсегда внутри меня.

— Тогда не бойся, — он коснулся моей щеки — я почувствовала тепло, почти настоящее. — Отпусти меня, Элизабет. Это не станет предательством. Позволь себе жить дальше.

— Я не сумею.

— Научись, — он улыбнулся последний раз и начал таять.

— Ради меня. Ради себя. Ради него.

Я проснулась с мокрым лицом. На подушке лежал золотой лепесток — такой же, как в прошлый раз. Я спрятала его на груди, рядом с камнем от отца.

— Спасибо, — прошептала я в темноту.

Ответа не было. Но я знала — он слышал.

Глава 17: Кровь и пепел

Свадебное утро началось с тишины.

Я проснулась за час до рассвета — не от шума, не от голов, а от странного чувства, будто кто-то смотрит на меня. В комнате никого не было. Только золотые разводы на потолке, мерцающие в темноте. Моя сила успокоилась за последние дни, но иногда, когда я спала, она вырывалась наружу — тонкими нитями, которые тянулись куда-то вверх, к звёздам.

Встала. Подошла к окну. Три солнца ещё не взошли, только на горизонте алела тонкая полоска — предвестница зелёного света. Город внизу спал, но кое-где уже зажигались огни — народ готовился к празднику.

— Ты не спишь, — голос Веллы раздался из-за спины.

— Не могу, — ответила я.

— Все невесты волнуются, — она улыбнулась, поправляя свою белую тунику. — Но ты — первая, кто встал раньше служанок.

— Я всегда встаю рано. Привыкла.

— Сегодня ты выспишься, — пообещала она, улыбнувшись с тонким намеком, — После свадьбы.

Я не стала спорить. После свадьбы будет не до сна.

Велла позвала других служанок — их было пятеро, все из дома Реи, все с золотисто-алой кожей и добрыми глазами. Они принесли кувшины с тёплой водой, масла, благово-

ния, кубки с травяным отваром. Меня выкупали в большой каменной ванне, поливая ароматной жидкостью, пахнущей розами и корицей. Вода была оранжевой, как сок.

— Это вода из источника жизни, — сказала Велла, растирая мои плечи. — Она дарует плодородие и защищает от злых духов.

— От злых духов и от плохих мужей тоже? — спросила я.

— Любых мужей исправит искренняя любовь, — ответила одна из служанок.

Я промолчала.

После купания меня одели. Платье было не белым — на Акабаре белый цвет символизирует смерть, а не невинность. Моё платье было алым, как земля, как кровь, как закат. Ткань струилась, переливалась золотыми нитями, на плечах держалась на тонких цепочках, а сзади тянулся длинный шлейф, который несли две девушки.

— Ты прекрасна, — сказала Велла, когда я посмотрела в зеркало.

В зеркале отражалась незнакомка. Алые волосы заплетены в сложную косу, украшенную живыми цветами — золотыми, пульсирующими, пахнущими чем-то вроде мёда. Глаза подведены чёрным, губы накрашены красным. Кожа бледная, почти прозрачная — как луна перед восходом солнца.

— Спасибо, — сказала я. — Вы хорошо поработали.

— Это твой день, госпожа. Мы рады, что служим тебе.

Я вышла из комнаты. В коридоре ждал отец. Он был в

парадном облачении — красный плащ, золотая цепь на шее, меч на боку. Его глаза блестели — не от слёз, от гордости.

— Ты похожа на неё, — сказал он. — На твою мать. Такая же светлая и хрупкая, но только снаружи, внутри вы обе бойцы.

— Ты говорил это уже, — ответила я.

— Повторю ещё раз. Потому что это правда.

Он протянул руку. Я взяла её. Мы пошли к тронному залу, где уже собрались гости.

Зал был полон. Тысячи акабарцев — красных, голубых, зелёных, белых — стояли вдоль стен, смотрели на нас. Даже белые расы прислали послов — после моего исцеления дочери Аквания они согласились на временное перемирие. Не мир — передышку. Но для свадьбы этого хватило.

Картер ждал на возвышении. Он был в чёрном — чёрный камзол, чёрные штаны, чёрные сапоги. Только плащ был алым, как моё платье. Волосы он распустил — чёрные пряди падали на плечи, делая его похожим на древнего воина из легенд.

Когда я подошла, он шагнул вперёд. Взял меня за обе руки.

— Элизабет, дочь Ка-Тара и Марии земной, — сказал он громко. — Я, Картер, сын Лазара и Лии, принц красной расы, беру тебя в жёны перед лицом трёх солнц и всех живых.

— И я беру тебя в спутники жизни, — ответила я по ритуалу.

Селена поднесла чашу с красной жидкостью — кровью, смешанной с вином, символом единства.

— Выпейте, — приказала она.

Картер выпил первым. Я — второй. Жидкость была горькой, терпкой, обжигала горло.

— Теперь вы связаны навечно, — сказала Селена. — Кровь ваша смешалась, и никто не разлучит вас, кроме смерти.

— Кроме смерти, — повторили мы хором.

Зал взорвался криками. Бросали цветы, стреляли из луков в воздух, пели древние песни. Я стояла неподвижно, держа Картера за руку, и чувствовала, как что-то меняется внутри. Не пустота заполнялась — появилась надежда на счастье.

— Всё хорошо? — спросил он тихо.

— Да, — ответила я. — Пока да.

Он улыбнулся, и мы пошли к выходу. Впереди ждал пир, танцы, бесконечные поздравления. А после — первая ночь.

Пир длился до полуночи.

Я сидела рядом с Картером, ела, пила, улыбалась. Гости подходили с пожеланиями, дарили подарки — драгоценности, оружие, ткани. Рея подарила мне кольцо с красным камнем, сказав: «Чтобы ты всегда помнила, где твой дом». Луара — книгу стихов на акабарском. Близнецы Вар и Варт — двух маленьких ящерок, которых я должна была назвать.

— Пусть это будут Кара и Гар, — сказала я, глядя на зелёных зверьков, которые сидели на моих ладонях и грелись.

— В честь кого? — спросила Луара.

— В честь тех, кого я потеряла, — ответила я.

Она не стала расспрашивать.

К концу пира я устала. Не физически — морально. Бесконечные разговоры, комплименты, любопытные взгляды выматывали сильнее, чем любой бой. Картер заметил моё состояние.

— Хочешь уйти? — спросил он.

— Очень, — призналась я.

Он встал, поднял руку. Гости замолчали.

— Мы благодарны за этот день, — сказал он. — Но теперь мы хотим побыть вдвоём.

Знал бы он, как я была ему благодарна за эти слова.

Спальня принца находилась в башне, на самом верху дворца.

Комната была круглой, с широкими окнами, выходящими на все стороны света. Отсюда были видны и город, и равнина, и далёкие горы. Три солнца уже сели, отчего только звёзды освещали комнату — холодным, древним светом.

В центре стояла кровать. Огромная, с балдахином из красного шёлка, с подушками, расшитыми золотыми нитями. Я смотрела на неё и не знала, что делать.

— Ты боишься? — спросил Картер, закрывая дверь.

— Нет, — ответила я. — Но я не готова.

— К чему?

— К тому, что ты ожидаешь.

Он подошёл ближе. Встал напротив, взял мои руки.

— Я ничего не ожидаю, Элизабет. Ты не моя рабыня. Ты моя жена — по ритуалу, по крови. Но я не буду принуждать тебя. Никогда.

— Ты хочешь меня?

— Как мужчина — да, — он сказал это просто, без стыда. — Но как человек — я хочу, чтобы ты была готова. Сама. По доброй воле, хочу чтобы твоё сердце желало меня.

Я посмотрела в его глаза. Фиолетовые, глубокие, с той же болью, что и мои.

— Гари умер два месяца назад, — сказала я. — Это слишком мало, чтобы забыть.

— Я не прошу забыть. Прошу позволить тебе самой жить дальше.

— А если я никогда не позволю?

— Тогда мы будем спать в разных постелях, — он отпустил мои руки. — Я не умру от этого. Правда.

Он отошёл к окну. Долго смотрел на звёзды.

— Знаешь, я тоже кого-то любил, — сказал он тихо. — До войны. Её звали Лара. Она была из зелёной расы. Мы встречались тайно, потому что наши народы враждовали. Когда белые напали на её деревню, я не успел. Она сгорела заживо.

— Почему ты не говорил раньше?

— Потому что это моя боль. И я ношу её так же, как ты — свою.

Я подошла к нему. Встала рядом.

— Мы оба носим мертвецов внутри, — сказала я. — Может, поэтому нас свели?

— Может быть, — он повернулся ко мне. — Или потому, что мы оба еще живы и хотим остаться такими.

— Ты хочешь остаться живым?

— С тобой — да.

Он протянул руку. Я взяла. Мы стояли у окна, глядя на звёзды, и впервые между нами не было напряжения — только тишина. Такая, какая бывает после долгой бури, когда море успокаивается и можно наконец выдохнуть.

— Картер, — сказала я.

— М?

— Я не могу обещать тебе любовь. Но я могу обещать, что буду честна и никогда не предаю наш союз.

— Этого достаточно, — ответил он. — Пока что.

Мы отошли от окна. Он лёг на кровать — на одну сторону, я — на другую. Между нами было расстояние в вытянутую руку.

— Можно я положу голову тебе на плечо? — спросила я. — Просто так. Мне холодно.

— Можно, — он улыбнулся.

Я придвинулась. Его плечо было тёплым, пахло деревом и костром. Я закрыла глаза и впервые за долгое время почувствовала не одиночество — усталость. Такую, когда хочется просто лечь и не вставать, но знать, что кто-то рядом.

— Спокойной ночи, Элизабет, — сказал он.

— Спокойной ночи, Картер.

Я уснула почти сразу. Мне совсем ничего не снилось — только темнота. Тёплая, спокойная, без кошмаров. Впервые за много лет.

Утром я проснулась от света. Три солнца уже взошли — зелёное, голубое, белое. Картер спал рядом, раскинув руки, его дыхание было ровным, как у ребёнка. Я смотрела на него и думала: «Может быть, мы справимся. Не как любовники — как союзники. Как два солдата, которые держат оборону».

Я осторожно поднялась, оделась, вышла на балкон. Внизу раскинулся город — Кар-Тар, моя новая родина. Красные крыши, зелёные сады, голубые каналы. И наш народ — тысячи акабарцев, которые ждали от меня чего-то великого.

— Я не герой, — прошептала я. — а просто девочка, которая слишком много пережила.

— Но ты здесь, — голос Картера раздался за спиной внезапно. — И это главное.

Он подошёл, встал рядом. Мы смотрели на город, на солнце, на небо, и я чувствовала, как внутри зарождается что-то новое. Не любовь — принятие. Принятие того, что прошлое не вернуть. И что будущее не так страшно, если идти в него не одной.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За то, что не требуешь больше, чем я могу дать.

— Я научусь ждать, — ответил он. — А ты научись ве-

ритель.

Мы постояли ещё немного, а потом пошли завтракать. Обычное утро после обычной ночи. Не свадебной, не романтической...

И этого было достаточно.

Глава 18: Стены, которые помнят

После свадьбы дворец стал моим домом — не по праву крови, по праву клятвы. Я получила ключи от восточного крыла, личную стражу из пяти воинов и право входить в любую комнату, кроме тронного зала, когда там заседал Совет.

Картер сказал: «Ты королева, даже если корона ещё не на голове. Веди себя как королева». Я не знала, как ведут себя королевы. Знала лишь о том, как выживают беглые гибриды в лабораториях и как теряют любимых на мокром асфальте. Но не ведала как править.

Поэтому я начала с малого — с изучения дворца. Каждое утро, после того как Картер уходил на военный совет, я бродила по коридорам. Босиком, в простом льняном платье, без украшений. Слуги кланялись, стража замирала, но я не замечала их. Лишь смотрела на стены, спальни и коридоры.

Стены Кар-Тара помнили всё. Чёрный камень, из которого они были сложены, впитывал голоса, как губка — воду. Я прикладывала ладонь к холодной поверхности и закрывала глаза. И ко мне приходили видения. Седая древность: строители в кожаных фартуках, поднимающие блоки под песни рабов. Кровь: битвы у ворот, когда голубые штурмовали крепость, а красные защищали её с отчаянием обречённых. Слезы: женщины, оплакивающие мужей, дети, играющие в войну, не зная, что война придёт к ним завтра.

— Ты слышишь их? — спросил однажды старый стражник, заметив, как я замерла у северной стены.

— Слышу, — ответила я. — Они говорят на языке что живет во мне похоже с рождения.

— Это древние, — он сложил руки над головой в идеальный круг — странный жест, похожий на земное крещение. — Они охраняют дворец. Если они заговорили с тобой, значит, ты принята.

— Кем принята?

— Камнями, — он улыбнулся беззубым ртом. — Камни этого дворца не лгут избранным ими.

Я пошла дальше. В восточном крыле, где когда-то жила мать Картера, я нашла её комнату. Она была заперта, но замок поддался моей мысли — просто щелчок, и дверь открылась.

Внутри пахло сухими цветами и пылью. Всё было нетронуто — кровать застелена, на столике — недопитый кубок, на подушке — расчёска с длинными чёрными волосами. Я села на край кровати, взяла расчёску. Волосы были тонкими, шёлковыми, с серебряными нитями.

— Она была красивой, — сказала я себе. — И её любили.

Я провела расчёской по своим рыжим волосам, и в этот момент дверь открылась.

— Что ты здесь делаешь? — голос Картера был резче обычного. Я обернулась. Он стоял на пороге, бледный, с тенью в глазах.

— Изучаю дворец, — ответила я. — Твоя мать

— Не надо, — он вошёл, закрыл дверь. — Это моё личное пространство. Моя боль.

— Я не хотела причинить боль, — я положила расчёску на место. — Прости.

Он подошёл к кровати, сел рядом. Долго молчал, глядя в стену.

— Она умерла здесь, — сказал он глухо. — В этой кровати. Её отравили белые. Яд был медленным, она мучилась три дня. Я сидел рядом и не мог ничего сделать.

— Мне жаль.

— Не надо жалеть. Просто если захочешь узнать прошлое — спроси у меня. Не у стен.

Я кивнула. Мы вышли вместе, и он запер дверь ключом, который носил на шее. Больше мне туда не хотелось идти.

Картер пытался сблизиться — осторожно, не навязчиво. Он приходил ко мне после совета, приносил фрукты из королевского сада — сладкие, пахнущие чем-то тягуче сладким, — и рассказывал о политике. О том, как голубые выполнили обещание и прислали послов, как белые требуют новых уступок, как зелёные колеблются, не зная, на чью сторону встать.

— Ты создала прецедент, — сказал он однажды. — Мир возможен. Теперь от нас зависит, удержим ли мы его.

— А если не удержим?

— Тогда война. Но теперь у нас есть союзники.

— У тебя, — поправила я. — Не у меня.

— У нас, — повторил он твёрдо.

Я не спорила. Но внутри была оставалась одна. Всегда одна. Иногда по ночам, когда Картер засыпал на своей половине кровати, душа вела меня на балкон. Где я смотрела на звёзды и вспоминала Гари. Как он стоял под дождём на Елисейских полях, с пистолетом в руке, и улыбался, зная, что умрёт. Как его пальцы холодели в моих. Как последнее слово, которое он прошептал, было «сокровище».

— Ты обещал, что будешь рядом, — говорила я звёздам.

— Я не чувствую тебя больше. Только пустоту.

Звёзды не отвечали. Они были далёкими, холодными, равнодушными. Как и этот мир, который принял меня, но не согрел.

Однажды ночью Картер проснулся и вышел ко мне.

— Ты плачешь, — сказал он, увидев моё лицо.

— Нет. Это дождь.

— Дождя же нет. Это твои слёзы.

Он обнял меня — не как муж, как друг. Просто прижал к себе и держал, пока я не перестала дрожать.

— Расскажи мне о нём, — попросил он. — Не молчи. Боль уходит, когда говоришь.

— Не уходит, эта теория уже мной проверена — ответила я. — Боль просто затихает, а потом возвращается.

— Тогда говори каждый раз, когда она возвращается. Я буду слушать.

Я рассказывала ему. О первой встрече на выставке, о его дурацком комплименте, о том, как он готовил чёрный омлет и называл это искусством. Как он ревновал меня к прохожим, про боязнь высоты, как смеялся, когда ничего не было смешного.

Картер слушал внимательно. Не перебивал, не давал советов. Просто слушал.

— Ты его так сильно любила, — сказал он, когда я замолчала.

— Люблю сейча , — ответила я. — И буду любить до скончания времен.

— Это правильно, — он взял мою руку. — Любовь не заканчивается со смертью. Она лишь меняет форму.

— Ты веришь в это?

— Я верю в тебя, — он улыбнулся. — А ты веришь в свою любовь. Этого достаточно.

Сразу после мы вернулись в комнату. Он лёг на свою сторону, я — на свою. Я не плакала больше. Но внутри, там, где была пустота, появилось что-то тёплое. Не радость — предвкушение нового дня.

Конфликт случился на десятый день после свадьбы. Служанку звали Мира. Она была высокой, черноволосой, с зелёными глазами и кожей цвета тёмной меди. Говорили, что она любила Картера с детства, что её семья служила его семье три поколения, что она надеялась стать его наложницей, если не женой. Я не знала этих слухов. Но чувствовала её

взгляд. Она не скрывала неприязни.

Когда я просила воды, она приносила тёплую. Звала её, она приходила через десять минут. Смотрела на неё, она отводила глаза.

— Что я сделала тебе? — спросила я однажды.

— Ничего, — ответила она, но в голосе была сталь.

— Тогда почему ты ведёшь себя так?

Она помолчала. Потом выпалила:

— Потому что ты не достойна его. Ты — чужая. Ты не любишь его. Ты даже не спишь с ним в одной постели — я знаю. Слуги говорят.

— Слуги болтают о многом, — ответила я спокойно. —

Но это не их дело.

— Только моё, — она шагнула ближе. — Я любила его десять лет, ждала. А ты прилетела неизвестно откуда и забрала его.

— Я не забирала его, — сказала я. — Он сам выбрал.

— Он выбрал не тебя — он выбрал твою силу. Ты — Созидательница, оружие. Не женщина.

Я могла разозлиться. Могла ударить её — силой, словом, взглядом. Но вместо этого я посмотрела на неё и увидела себя. Такую же одинокую, такую же отчаянную, такую же любящую того, кто не ответил.

— Ты права, — сказала я. — Я не достойна его. Я не умею любить, как ты. Но я здесь и я не уйду.

— Почему? — она растерялась.

— Потому что мне некуда идти, — ответила я. — И потому что он заслужил кого-то, кто будет рядом. Даже если это будешь не ты

.Она заплакала. Я не утешала. Слёзы — это её путь. Мой — другой.

После этого разговора на удивление Мира стала служить мне верно. Не из любви — из уважения. Я не просила её о дружбе. Достаточно было того, что она перестала прятать взгляд.

Картер узнал о конфликте от Веллы.

— Ты могла пожаловаться мне, — сказал он вечером. — Я уволил бы её.

— За что? За правду?

— За неуважение.

— Она говорила то, что думала, — ответила я. — Это редкость. Я ценю это.

— Она сказала, что я не люблю тебя.

— Это же правда? — я посмотрела ему в глаза. Он не ответил. Долго молчал, потом сказал:

— Я не знаю. Я никогда не любил женщину после Лары. Может быть, я разучился.

— Та же история, — сказала я. — Поэтому мы хорошо подходим друг другу. Два разучившихся любить человека, которые учатся заново.

Он усмехнулся.

— Ты всегда находишь слова.

— Не всегда. Но иногда вполне удачно.

Мы ужинали в тишине, а после ужина легли спать — каждый на своей стороне. Я чувствовала его тепло через разделяющее нас расстояние, и мне было не холодно вовсе

На пятнадцатый день после свадьбы я нашла во дворце библиотеку. Она была спрятана в подвале, за железной дверью, которую никто не открывал много лет. Ключ я сделала сама — из воздуха, из мысли, из золотого света, который не угасал даже в моём полном спокойствии.

Внутри пахло плесенью и знанием. Сотни свитков, тысячи книг, стопки карт, пыльных, как сама история. Я села на пол, поджав ноги, и начала читать. О пророчестве. О Созидательнице. О том, как древняя раса жёлтых — дети огня — создала её в последний день перед гибелью.

Жёлтые отдали свои жизни, чтобы спустя века родилась та, кто соединит миры. И они выбрали не акабарку — земную женщину сильную. Духом.

— Так вот откуда земная кровь пошла, — прошептала я.

Я прочитала ещё. О пяти солнцах — красное съедено Разрывом, но его сила живёт в земле. О белой неделе, когда все расы теряют дары, кроме одной — белой, которая становится всемогущей. О том, что Созидательница может остановить белую неделю, если соберёт пять ключей — по одному от каждой расы.

— Ключи? — я перелистала свиток. — Где они?

Но свиток молчал. История обрывалась на середине, как

будто кто-то вырвал страницу. Я сидела в темноте, сжимая в руках древний пергамент, и чувствовала, как внутри просыпается что-то новое. Не страх — азарт. Мне предстояло найти то, что никто не искал тысячу лет.

— Картер, — сказала я, войдя в нашу спальню. — Нам нужно поговорить.

Он отложил меч, который чистил, и поднял голову.

— Я слушаю.

Я рассказала о библиотеке, о свитке и ключах.

— Если я найду их, я смогу остановить войну. Навсегда.

— Если они существуют, — он скептически поджал губы.

— Легенды часто врут.

— Камни из абсидиана не врут, — ответила я. — Стены тоже. Я чувствую:

— это правда.

— Хорошо, — он встал. — С чего начнём?

— С поисков. У тебя есть карта древних городов?

— Есть. В кабинете отца.

Мы просидели до утра, разбирая пыльные карты, делая пометки, споря о маршрутах. Впервые за долгое время я чувствовала цель. Не приказ старейшин, не просьбу отца — свою собственную цель. И это давало мне силы жить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.